Қырҭтәылатәи ССР Анаукакуа р-Академиа Д. Гулиа ихьз зхыу
Аҧснытәи абызшәеи, алитературеи, аҭоурыхи ринститут
А. М. Горки ихьз зхыу Аҟуатәи Аҳәынҭқарратә
педагогтә институт

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის დ. ი. გულიას სახელობის
აფხაზეთის ენის, ლიტერატურისა და ისტორიის ინსტიტუტი
ა. მ. გორკის სახელობის სოხუმის სახელმწიფო
პედაგოგიური ინსტიტუტი

Абхазский институт языка, литературы и истории
им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР
Сухумский государственный педагогический институт
им. А. М. Горького

# СЕДЬМАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

*Сессия посвящается 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции*

## ВОПРОСЫ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

**16 — 18 ноября 1977 года**

## ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Сухуми — 1977

Қырҭтәылатәи ССР Анаукақуа р-Академиа Д. Гулиа ихьз зхыу
Аԥснытәи абызшәеи, алитературеи, аҭоурыхи ринститут
А. М. Горки ихьз зхыу Аҟуатәи Аҳәынҭқарратә
педагогтә институт

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის დ. ი. გულიას სახელობის
აფხაზეთის ენის, ლიტერატურისა და ისტორიის ინსტიტუტი
ა. მ. გორკის სახელობის სოხუმის სახელმწიფო
პედაგოგიური ინსტიტუტი

Абхазский институт языка, литературы и истории
им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР
Сухумский государственный педагогический институт
им. А. М. Горького

# СЕДЬМАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

*Сессия посвящается 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции*

## ВОПРОСЫ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

**16 — 18 ноября 1977 года**

## ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Сухуми — 1977

Т. П. Шьақрыл
лбиблиотека

## Регламент

Докладчику — 20 мин.

Выступающему — 10 мин.

Докладчику для заключительного слова — 5 мин.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

### Абхазско-адыгские и картвельские языки


**Арн. Чикобава.** Категория грамматических классов в истории картвельских языков . . . . . 3

**К. В. Ломтатидзе.** Особенности выражения категории грамматических классов в абхазском и абазинском языках . . . . . 7

**Г. В. Рогава.** Следы наличия классного склонения имен и спряжения глаголов в адыгских языках . . . . . 8

**М. А. Кумахов.** К истории классного и личного спряжения в абхазско-адыгских языках . . . . . 9

**Б. Х. Балкаров.** Некоторые особенности классификации имен в кабардинском языке . . . . . 11

**З. И. Керашева, Л. П. Чкадуа.** Динамика развития спряжения глагола в абхазско-адыгских языках . . . . . 12

**З. Ю. Кумахова.** К вопросу о семантической категории классов в адыгских языках . . . . . 13

**В. А. Амичба.** Семантическое выражение классов человека и вещи в словообразовании имен абхазского языка . . . . . 14

**С. А. Амичба.** О некоторых диалектных вариантах выражения категории грамматических классов в абхазском и абазинском языках 15

**Ш. К. Аристава.** Категория грамматического класса в связи слов . 17

**Н. В. Аршба.** Выражение грамматической категории классов во множественном числе имен абхазского языка . . . . . 18

**П. М. Багов.** Новые функции классных экспонентов Е и Р в адыгских языках . . . . . 19

**И. О. Гецадзе.** Взаимоотношение личного и классного спряжения в абхазско-адыгских языках . . . . . 20

**Н. Т. Гишев.** О классе человека и вещей как семантической категории в адыгейском языке . . . . . 21

**Х. Б. Дауров.** К вопросу о семантической категории грамматических классов в адыгских языках . . . . . 21

**Р. С. Джанашиа.** Экспоненты грамматических классов в числительных абхазско-адыгских языков . . . . . 22

**А. Е. Кибрик, А. И. Коваль.** Природа именных классов и методы их контенсивного изучения . . . . . 23

**В. Х. Конджария.** О функции показателя 2-го лица класса мужчин в абхазском языке . . . . . 24

**Т. Х. Куашева.** О семантических пережитках грамматических классов в терских говорах кабардино-черкесского языка . . . . . 25

**Н. Х. Кулаев.** Следы грамматических классов в современном осетинском языке . . . . . 26

**В. Н. Меремкулов.** К вопросу о грамматических классах в абазинском и абхазском языках . . . . . 27

**Х. Х. Пшуков.** Категория грамматических классов и омонимы . . 28

**А. Н. Силантьев.** К проблеме динамики развития категории грамматических классов . . . . . 28
**Х. Т. Таов.** Экспоненты категории грамматических классов и падежные форманты в адыгских языках . . . . . 30
**В. Г. Шенгелия.** Лексико-семантическое противопоставление личности и вещи в глаголах со значением «иметь» в древнегрузинском языке . . . . . 30

### Нахские языки.

**Ю. Д. Дешериев.** К вопросу о генезисе категории грамматических классов . . . . . 31
**Д. С. Имнайшвили.** Грамматические классы и образование глагольных основ в нахских языках . . . . . 32
**И. Ю. Алироев.** Распределение заимствований по грамматическим классам в нахских языках . . . . . 33
**С. М. Джамирзаев.** Тенденция развития категории грамматических классов в чеченском языке . . . . . 34
**Ф. Г. Оздоева.** Проявление категории грамматического класса в служебных словах (послелогах, союзах и частицах) в нахских языках . . . . . 35
**А. Д. Тимаев.** Основные принципы распределения имен существительных по грамматическим классам и пути исторического развития современной системы грамматических классов в нахских языках 36
**К. З. Чокаев.** Некоторые особенности проявления категории грамматического класса в нахских языках . . . . . 38
**Б. А. Шавхелишвили.** К вопросу об отражении категории грамматических классов в терминах родства (на материале нахских языков) . . . . . 39

### Дагестанские языки.

**А. А. Магометов.** Об эволюции грамматических классов в даргинском языке . . . . . 40
**З. М. Магомедбекова.** Система грамматических классов в чамалинском и тиндийском языках . . . . . 42
**У. А. Мейланова, Б. Б. Талибов.** Динамика затухания категории грамматических классов в лезгинских языках . . . . . 44
**И. И. Церцвадзе.** Модификация системы грамматических классов в говорах андийского языка . . . . . 45
**С. М. Хайдаков.** Категория одушевленности и ее реализация в системе лексических классов дагестанских языков . . . . . 46
**И. Х. Абдулаев.** К истории взаимоотношений категории грамматических классов и склонения имен существительных в лакском языке . . . . . 48
**М. А. Алипулатов.** К вопросу о показателях грамматических классов имени прилагательного в языках лезгинской группы . . . 50
**А. М. Асланов.** Семантический принцип дифференциации заимствований по грамматическим классам . . . . . 52
**Г. Т. Бурчуладзе.** Редупликация и грамматические классы в лакском языке . . . . . 53
**Ф. А. Гайдарова.** О функциях детерминантов единственного числа в лакском языке . . . . . 54
**В. М. Загиров.** К специфике категории грамматических классов табасаранского языка . . . . . 55
**З. М. Загиров.** Динамика развития категории грамматических классов в табасаранском языке . . . . . 56
**Г. Х. Ибрагимов.** Категория грамматического класса в цахурском, рутульском, крызском и будухском языках . . . . . 58
**М. Г. Исаев.** Особенности функционирования классных показателей в говорах анцухского диалекта аварского языка . . . . . 60
**И. А. Исаков.** О тенденции к нейтрализации классной оппозиции в диалектах аварского языка . . . . . 61
**О. И. Кахадзе.** О системе префиксальных показателей грамматических классов в некоторых лезгинских языках . . . . . 63
**К. К. Курбанов.** Динамика развития категории грамматических классов в табасаранском языке . . . . . 63
**Р. Х. Мехтиханова.** Категория грамматических классов в глаголе цудахарского диалекта даргинского языка . . . . . 64
**К. Ш. Микаилов.** О принципах выявления так называемых классных показателей в горских языках Дагестана . . . . . 65
**М.-С. М. Мусаев.** Категория грамматических классов и другие грамматические категории даргинского языка . . . . . 66
**П. А. Саидова.** Классно-личное спряжение глагола в закатальском диалекте аварского языка . . . . . 67
**Н. Д. Сулейманов.** Об одном (классном) способе образования каузатива в агульском языке . . . . . 68
**Г. В. Топуриа.** Эргатив и система грамматических классов . . . 68
**В. С. Хидиров.** Категория грамматических классов в крызском языке 69
**М. Ч. Чеерчиев.** Соотнесенность лексики закатальского диалекта аварского языка с категорией грамматического класса . . . 71

**Арн. Чикобава** (Тбилиси)

# КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ИСТОРИИ КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Естественно различать классы, как семантическую категорию и как категорию морфологическую.

2. Семантическая категория человека (личности) и вещей одинаково понимается во всех иберийско-кавказских языках: вопрос **кто?** относится только к человеку, **что?** ко всему остальному, включая сюда и животных.

3. Морфологическая же категория именных классов представлена по-разному.

Эта морфологическая категория налична во всех нахских языках — в чеченском, ингушском, бацбийском.

Продуктивна в абсолютном большинстве дагестанских языков: не имеется только в трех языках (лезгинском, агульском, удийском).

Из языков абхазско-адыгской группы налицо лишь в абхазском и абазинском, притом с явными признаками отмирания.

В картвельских языках данной морфологической категории нет. Не различалась она и в древнегрузинском языке.

Таким образом, процесс убывания начинается в дагестанских языках, резко усиливается в абхазско-адыгских языках и завершается в картвельских языках.

4. Отмирание категории грамматических классов влечет за собою, как правило, отпадание (утерю) соответствующих формантов. Но они могут сохраниться:

a) в составе основ в виде окаменелых элементов (реинтерпретация состава основ!), как это выявлено исследователями лезгинского, агульского, удийского (М. Гаджиев, Р. Шаумян, У. Мейланова, А. Магометов, Е. Джейранишвили, Г. Топуриа...), далее адыгских (Г. Рогава) и картвельских языков (И. Джавахишвили, В. Топуриа, Н. Андгуладзе...);

b) в качестве формантов, но с изменением функции (реинтерпретация форманта);

с) кроме того в глаголе с личным спряжением могут обнаружиться явления, характерные для классного спряжения.

5. Иберийско-кавказские языки — по строю своему — агглютинативные: в структуре слова каждый аффикс обладает одним грамматическим значением. Отсюда следует: если аффикс выступает с двумя грамматическими значениями, одно из них является вторичным, приобретенным и, наоборот: если в слове имеются два аффикса, а грамматическое значение — лишь одно, грамматическое значение одного из аффиксов утеряно.

6. В древнегрузинском языке системно противопоставляются производные имена с префиксом **m(e)-** и префиксом **s(a)-**, причем первые (m'e') обозначают имена категории **кто?**, а вторые (s'a') — имена категории **что?**, т. е. грамматические категории личности и вещи:

др.-груз: me-zwer-e „взыматель пошлин, податей", „мытарь" — sa-zwer-e „место, где взымают пошлины", таможня"

me-rcqul-i „водоносец"—sa-rcqul-i „сосуд для воды"

me-xr-e „пасущий волов"—sa-xr-e „палка, которой погоняют волов"

mo-gza-ur-i „путник"—sa-gza-ur-i „предназначенная для путешествия вещь"

m-šüal-e „средний (брат)"—sa-šual-i „среднее (что-то)"

В производных именах суффиксы могут варьировать, в префиксах же **m** и **s** коррелируют неизменно.

7. Подобная же корреляция префиксов (m-—s-) лицо в производных именах современного грузинского языка, где префикс **m** обозначает человека определенной профессии (**кто?**), префикс же **s** — вещь (**что?**):

me-baγ-e „садовник" —sa-baγ-e „что-то (земля) для сада"

me-katm-e „куровод" —sa-katm-e „курятник"

me-γor-e „свинарь" —sa-γor-e „свинарник"

me-kotn-e „гончар" —sa-kotn-e „что-то (глина) для горшков"

me-ǯinib-e „коневод" —sa-ǯinib-e „конюшня"



8. Системное противопоставление префиксальных (**m-** — **s-**) использовано не только в производных отыменных именах, но и в отглагольных именах прилагательных, т. е. причастиях:

m-ḳerav-i „портной (букв. шьющий") — sa-ḳerav-i „что-то для шитья (ткань машины..."

m-xvn-el-i „пахарь" (букв. „пашущий") — sa-xvn-el-i „орудие для пахоты"

m(a)-šeneb-el-i „строитель" (букв. строющя") — sa-šeneb-el-i „подлежащий стройке"

m-xerxav-i „пильщик" —sa-xer[x]av[1]-i „подлежащий распиловке"...

Вполне естественно, что отглагольные прилагательные с префиксом **m-** выражают значение действительного залога (и часто субстантивируются), а образования с префиксом **s-** обозначают причастие страдательного залога будущего времени (латин. герундив).

Точнее их называть причастиями субъектными (**m** — «человек», «деятель» — активный) и объектными (**s** — «вещь» — пассивная).

9. Корреляция префиксовых образований (**m-** и **s-**) может быть полной, когда оба члена корреляции налицо, и дефектной, когда сохранился лишь один из членов: образование с префиксом **m-** или же — с префиксом **s-**.

Выше приведены (§§ 6, 7, 8) случаи полной корреляции образований с префиксом грамматического класса личности (человека) и грамматического класса вещей.

Примерами дефектной корреляции являются:

а) Груз. масдары: s-i-qvar-u-l-i „любить" (любовь), s-i-ǯulv-i-l-i „ненавидеть" (букв. „ненависть"), s-i-xar-u-l-i „радость", s-vl-a „хождение", s-i-rb-i-l-i „бег" и т. д.

Не сохранилось коррелятов с префиксом **m-**, как то имеем, напр., в аварском: v(j,b-ekerize «бег» — мужчины (**v**), женщины (**j**), лошади (**b**).

Форма грам. класса вещей (s-i-rb-i-l «бег чего-то») получила обобщенное значение.

b) др.-груз. m-egypṭ-el-i «египтянин» (ново-груз. egviṗṭ-el-i без преф. **m-**)

др.-груз. m-row-el-i „руисец“ (титул епископа Руиси);
„ m-açqwer-el-i „ацкурец“ („———“ Ацкури)
„ m-egr-el-i „житель Егриси“ и т. д.

Коррелирующих образований с префиксом **s-** не сохранилось в грузинском языке.

В сванском языке в этих случаях сохранилась полная корреляция: mu-švän «сван» — lu-šn-u «сванское»
mə-kšäg „адыгеец“ — lə-kšag-u „адыгейское“ („косожское“)
mə-jpxäz „абхаз“ — lə-jpxaz-u „абхазское“...

Срв. сван. масдары ma-laṭ и li-laṭ «любить» (букв. «любовь»). Преф. **l-** соответствует грузинскому **s-** (др.-груз. s-ʒe «молоко» — св. lə-ǯe).

10. Помимо преф. **s-** в качестве показателя грам. класса вещей в картвельских языках выступают **d-** и его фонетические варианты **n-, r-, l-,** встречающиеся в дефектных корреляциях, а также **b-**:

груз. da-tv-i „медведь“, сван. dä-šdw,
груз. tve←tute←du-te „месяц“ — зан. tu-ta — сван. do-šdul
груз. še-ša(←se-ša) „дрова“ — зан. di-ška
груз. si-sxl-i „кровь“ — чан. di-cxir-i
груз. ce-cxli←se-cxl-i „огонь“ — зан. da-čxur-i
др. - груз. s-ʒe „молоко“, ново-груз. r-ʒe, сван. lə-ǯe.
груз. ne-št-i „остаток“, „останки“
груз. na-pir-i „берег“
груз. ba-všv-i „ребёнок“: b — показатель класса вещей (И. Джавахишвили).

11. Преф. **l-** сохранился в 3-ем лице сванских глаголов (**l**i «есть», **l**ə-g «стоит», **l**ä-sw «был»...), включаясь в ряд личных формантов. Исторически это — показатель грамматического класса вещей (Н. Андгуладзе), идентичный с преф. **l-** в именных образованиях (см. выше §9).

Преф. **d-** выделен из состава глагольных основ **d**eg «стоять» и t-kw←d-kw «сказать что-либо» (В. Т. Топуриа).

Согласно принципам классного спряжения один и тот же префикс в непереходном глаголе обозначает класс субъекта, в переходном глагола — класс объекта: «стоит что-то» — «сказал что-то».

Окаменелый преф. **d-** грамматического класса вещей — свидетельство наличия классного спряжения в грузинском языке в глубокой древности.



Об этом свидетельствуют и пережитки принципов классного спряжения в древнегрузинском глаголе, в частности, примат объекта перед субъектом в формах лица и числа.

12. Древняя морфология грузинского языка была пронизана категорией грамматических классов так же, как это имеет поныне место в нахских и в большинстве дагестанских языков.

Преф. **d-**, древний показатель класса вещей, прослеживается во всех четырех группах иберийско-кавказских языков.

**К. В. Ломтатидзе** (Тбилиси)

## ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В АБХАЗСКОМ И АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ

1. Известно, что среди дагестанской группы иберийско-кавказских языков в отношении категории грамматических классов выделяются три основные подгруппы:

I. языки, различающие грамматические классы;

II. языки, в которых система грамматических классов находится на стадии отмирания;

III. языки, в которых полностью отсутствует система морфологического выражения грамматических классов.

Эти три типа языков (в отношении выражения грамматических классов) являются тремя основными ступенями развития названных языков (Арн. Чикобава).

2. Картина, вскрываемая на материале дагестанских языков, является типичной и для других групп иберийско-кавказских языков.

3. Наподобие ряда языков лезгинской подгруппы дагестанских языков (лезгинского, агульского, удинского) категория грамматических классов утрачена в картвельских, адыгских и убыхском языках. Наподобие же табасаранского языка (входящего в ту же лезгинскую подгруппу дагестанских языков) и в абхазском и абазинском языках (входящих в абхазско-адыгскую группу иберийско-кавказских языков) наблюдается переходная ступень — система грамматических классов сохранена, но она заметно расшатана.

4. Во всех иберийско-кавказских языках (как в языках с действующей поныне системой грамматических классов, так и в языках, неразличающих грамматические классы) выявляются — хотя и в неодинаковой степени — окаменелые префиксы грамматических классов в основах имен и глаголов.

5. В языках, где морфологическая категория грамматических классов начинает отмирать, создается весьма своеобразная система как в отношении содержания грамматических классов, так и в отношении способов передачи их. К таким языкам относятся абхазский и абазинский языки.

Именно результатом отмирания системы грамматических классов в абхазском и абазинском языках следует считать:

а) выражение в именах числительных категорий человека и вещи путем использования суффиксальных элементов (-ӧ°ə, -ba); выражение во множественном числе имен категорий человека и вещи при помощи различных морфем (-k°a, -c°a); выражение «классного» подразделения в причастиях субъектных и объектных при помощи лексических средств (-ω°a, -ṭ°...);

б) смешанный классно-личный характер спряжения.

6. В названных языках при утере классной системы спряжения образовалась весьма осложненная классно-личная система спряжения, включающая, с одной стороны, показатели личных местоимений, с другой стороны, реинтерпретированные классные экспоненты и смешанного характера системы подразделения на грамматические классы.

7. Наблюдаемая в третьем лице двухклассная система классно-личных показателей ряда номинатива ведет начало от трехчленной системы; показатель класса человека **d-** — по началу показатель класса вещей — объединял на определенном этапе развития языка класс вещей и приравненный к нему класс женщин; впоследствии через посредство класса женщины **d-** стал выразителем класса человека (срв. аналогичное положение вещей в табасаранском языке).

**Г. В. Рогава** (Тбилиси)

## СЛЕДЫ НАЛИЧИЯ КЛАССНОГО СКЛОНЕНИЯ ИМЕН И СПРЯЖЕНИЯ ГЛАГОЛОВ В АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

1. В указательных местоимениях адыгских языков сохранились древние суффиксы эргатива: -š в адыгейском языке (a-š „тот“) и bə в кабардинском языке (a-bə «тот»).

2. Оба эти суффикса в окаменелом виде прослеживаются в именах-наречиях адыгских языков — адыг. č'ă-šə, каб. žă-š' «ночь», адыг. nə-č'ă-p'ă, каб. nə-žă-bă «в эту ночь»...



3. Факт наличия двух древнейших аффиксов эргатива в адыгских языках дает повод предполагать, что эти языки исторически располагали классным склонением имен, срв., данные ряда других горских иберийско-кавказских языков, напр., андийского, аварского и др.

4. В адыгских языках встречается ряд архаичных объектных причастий прошедшего времени без личных префиксов субъекта, напр., ṭəɣă «[вы]копанный», bzəɣă «[вы]кроенный» и т. д. Следует полагать, что эти причастия образованы от переходных глаголов в эпоху классного спряжения глаголов, когда в них пока еще не были отражены аффиксы лица (или класса) субъекта, срв. причастия, образованные позже от переходных глаголов с личным спряжением. В таких причастиях, как и в соответствующих глаголах, всегда представлены личные префиксы субъекта — адыг. s-ṭəɣă-r «(мной) [вы]копанный», p-ṭəɣă-r «(тобой) [вы]копанный» и т. д.

5. Указанные архаичные причастия — ṭəɣă «[вы]копанный», bzəɣă «[вы]кроенный» и т. д. оказались приравненными к качественным прилагательным как семантически, так и синтаксически, именно эти причастия, как и прилагательные, в качестве определения имен находятся в постпозитивном положении — адыг. măšəă təɣă-(r) «[вы]копанная яма», букв: «яма [вы]копанная», тогда как причастия, образованные от переходных глаголов личного спряжения, образуют препозитивное словосочетание — адыг. săs-ṭəɣă mašəă-(r) «(мной) [вы]копанная яма».

6. Стереотипные синтагмы в составе — имя (прямой объект) + основа переходного глагола, каковы — обще-адыг. pxa-şiă «плотник», букв.: «дерево-делающий», убых. psa-fə «лаз», букв.: «рыбу-едящий (едок)» и т. д. являются принадлежностью обще-абхазско-адыгской эпохи классного спряжения.

**М. А. Кумахов** (Москва)

## К ИСТОРИИ КЛАССНОГО И ЛИЧНОГО СПРЯЖЕНИЯ В АБХАЗСКО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Спряжение глагола в современных абхазско-адыгских языках характеризуется чрезвычайно сложной системой. Сложность спряжения в этих языках объясняется не только сочетанием структурных особенностей разных типов спряжения (классного и личного), но и своеобразием соотношения

классных и личных показателей в системе глагола и их связей с классными и личными местоимениями, а также разной степенью развития как поздних (локальных) тенденций, так и общих элементов, восходящих к эпохе абхазско-адыгского (западнокавказского) языкового единства.

2. Принимая во внимание тот факт, что единая система лично-классного спряжения представлена во всех абхазско-абазинских диалектах без каких-либо существенных расхождений между ними, мы вправе предположить, что комбинированный (переходный) тип спряжения уже существовал по крайней мере в позднюю эпоху общеабхазского единства (языка). Другое дело — спряжение глагола в более отдаленные хронологические эпохи (в ранний период общеабхазского языка или в период западнокавказского языкового единства), где реконструкция спряжения глагола все еще сопряжена с трудностями, обусловленными состоянием изученности абхазско-адыгских языков.

3. Основываясь на данных внутренней реконструкции (и не касаясь вопроса о состоянии хронологически более отдаленных эпох), в порядке гипотезы выдвигается также положение, согласно которому абхазско-абазинское трехклассовое деление префиксов 3 лица ряда L (префиксов субъекта переходного глагола и косвенного объекта) непосредственно возводится к двум классам.

4. В докладе рассматриваются некоторые вопросы взаимоотношения классного и личного спряжения в абхазско-адыгских языках. В этой связи определенный интерес представляет разнообразие форм выражения 3 лица, восходящих в одних случаях к эпохе западнокавказского языкового единства, а в других — к поздним инновациям, возникшим в период самостоятельного существования отдельных языков.

5. Представляется перспективным (с разных точек зрения) продолжение исследования отношения спряжения глагола в абхазско-адыгских языках к спряжению в других иберийско-кавказских языках. Если учесть все возрастающую роль, отводимую современной общей теорией компаративистики типологическим критериям при решении генетических проблем, то не подлежит сомнению (как и не подлежит порицанию) необходимость более пристального внимания к явлениям структурно-типологического характера. К ним относится, например, изоморфизм абхазско-абазинских классных аффиксов ряда **d** и нахско-дагестанских классных аффиксов, выражающих в обоих языковых ареалах (абхазско-абазинском и нахско-дагестанском) тождественные отношения — субъект



непереходного глагола и ближайший (прямой) объект переходного глагола. Подобные структурные сходства (они неединичны в спряжении глагола), хотя и не заменяют материальные сходства в их традиционном понимании, особенно ценны при анализе языков, не имевших давних письменных традиций (в целях выявления генетических отношений, степени родства между ними, путей их членения и т. д.).

**Б. Х. Балкаров** (Нальчик)

## НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ИМЕН В КАБАРДИНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Кабардинский относится к языкам, в которых исторически произошел процесс упрощения системы классификации имен. В нем в прошлом имена классифицировались по грамматическим классам, как это отмечено в специальной литературе. В ходе исторического развития в кабардинском языке грамматические классы утратились. Это привело к упрощению системы классификации имен.

2. В основе современной системы классификации имен в кабардинском языке лежит разграничение двух классов: класса имен, выражающих социальные понятия, и класса имен, обозначающих природные явления. Это достигается наличием двух типов вопросительных местоимений: хэт? «кто?» и сыт? «что?». Первое используется при именах первого класса, а второе — при именах второго класса.

Аналогичная группировка имен характерна для адыгейского языка и убыхского, которые также утратили грамматические классы. В первом воспросительные местоимения — классификаторы имен: хэт? «кто?» и сыд? «что?», а во втором: ши? «кто?» и са? «что?».

Адыго-убыхская группировка имен совпадает с делением имен в абхазском и абазинском языках на два грамматических класса: на класса «человека» и класса «вещей». В последних деление имен на грамматические классы проявляется не только в специализированности употребления вопросительных местоимений, но и в их формах, в которых присутствуют показатели грамматического класса «человека» -д и грамматического класса «вещей» -й.

**З. И. Керашева, Л. П. Чкадуа**
(Майкоп, Сухуми)

## ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СПРЯЖЕНИЯ ГЛАГОЛА В АБХАЗСКО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

1. В современном абхазском и абазинском языках спряжение глагола классно-личное: один и тот же формант одновременно указывает на лицо, число, а в единственном числе во II и III лицах и на класс: ucojt (*«ты (мужч.) идешь»*, bcojt *«ты (женщ.) идешь»*, dcojt *«он (чел.) идет»*, icojt *«оно идет»*. В современных адыгских языках спряжение глагола личное.

2. Классно-личному спряжению абхазского и абазинского языков предшествовало классное спряжение, личному спряжению адыгских языков — классно-личное, а древнее — классное (А. С. Чикобава, Н. Д. Андгуладзе).

На стадии классного спряжения глагол абхазско-адыгских языков был моноперсональным и уже различал переходность и непереходность: при переходном глаголе классный формант указывал на ближайший объект, при непереходном глаголе — на субъект.

В абхазском и абазинском языках исходную структуру сохранили деепричастия и повелительная положительная форма (К. В. Ломтатидзе), в адыгских языках специфика классного спряжения прослеживается в глаголах t'əɣoən *«красть»*, tăžə-n *«вставать»* (Г. В. Рогава).

3. Противопоставление человека и вещи в системе глагольного спряжения, как и в имени, самое древнее: показатель класса человека был w, признанный общеиберийско-кавказским формантом, показателем класса вещей — d||t, b, j, m. Увеличение количества членов оппозиции за счет различения родов является последующим этапом эволюции категории грамматического класса; показатель класса человека трансформировался в показатель класса мужчин, а один из показателей класса вещей — в класс женщин (Г. В. Рогава).

5. Формирование личных местоимений и спряжения глагола по лицам и классам, надо полагать, происходит одновременно. Сначала сформировались первые два лица, затем — третье лицо (Г. В. Рогава).

6. Личный формант ряда «d» абхазского и абазинского языков древнее личных формантов ряда «l». Образование ряда «d» можно отнести к периоду, когда глагол этих языков был моноперсональным. Образование же ряда «l» связано с формированием полиперсональной системы.



В адыгских языках номинативная структура предложения предшествовала эргативной структуре.

7. Эволюция морфологической структуры абхазско-адыгских языков в адыгских языках сначала упростила, а затем упразднила категорию грамматического класса, в абхазском и абазинском же языках она упрощает систему классов.

8. Судьба классных формантов, утративших функцию выражения классов, такова: они или вообще выпали из слова, или, окаменев, слились с корнем, образовав тем самым одну основу, или приобрели новую функцию. А те форманты, которые и сегодня выступают как классные экспоненты, обязательно выполняют вторую функцию (например, личные показатели второго и третьего лиц единственного числа одновременно являются показателями и класса; в числительных элементы -ва, ӧ° выступают и как детерминанты).

Перечисленные факты несомненно говорят о том, что в будущем спряжение глагола абхазского и абазинского языков также будет личным.

**З. Ю. Кумахова** (Москва)

## К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ КЛАССОВ В АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Как известно, в отличие от абхазского и абазинского языков в адыгских языках (как и в убыхском) в их современном состоянии морфологически не различаются грамматические классы. Однако в адыгских языках имеются лексические и семантические формы противопоставления разных классов.

2. Общеадыгская основа ҫəx˝ₒə в период адыгского языкового единства, по-видимому, выступала только в качестве именной основы, ср. каб.-черк. ҫəx˝ₒ адыг. ҫəfə *«человек»*. После распада общеадыгского языка разбираемая именная основа стала выступать также в значении основы глагола ҫəx′ₒən *«знать»*.

3. Первоначальное значение глагола ҫəx˝ₒən относилось только к классу человека: *«знать его (человека), быть знакомым с ним (с человеком)»*.

**В. А. Амичба** (Сухуми)

# СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КЛАССОВ ЧЕЛОВЕКА И ВЕЩИ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ ИМЕН АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА

1. Ряд слов, семантически выражающие класс человека, и в словообразовании имен абхазского языка функционирует как выразители класса. К таким словам относятся:

а) (а) уаɷы «человек», образующее существительные со значением рода занятий, профессий, специальности: аруаɷ «военный, военнослужащий» (букв. «армия человек»), аҭарауаɷ «ученый» (букв. «учеба человек»), амшынуаɷ «моряк» (букв. «море человек»), ашьхауаɷ «горец» (букв. «гора человек»), ашьаḱауаɷ «пеший» (букв. «нога человек»), аҽыуаɷ «всадник» (букв. «лошадь человек»), абнауаɷ «лесной человек» (букв. «лес человек»)...

Таким путем образованные формы относятся семантически к классу человека.

Восходящий к слову **ауаɷы** суффикс ɷ(ы) также употребляется со значением рода занятий, профессии, специальности: абназаɷ «охотник», аныхаҧааɷ «жрец», анапхгаɷы «руководитель», **ахылаҧшɷы** «начальник», «смотритель», аимааʒахɷы «сапожник», аʒахɷы «партной», арҭаɷы «учитель»... (ср. чистая основа типа: аɷынаҳа «виночерпий»...).

б) (а)хаҭа «мужчина»: афырхаҭа «герой» (букв. молния мужчина)»...

в) (а)ҧҳәыс „женщина“: **афырҧҳәыс „героиня“, аҳҭныҧҳәыс „прислуга“, аҧшәмаҧҳәыс „хозяйка“...**

г) (а)рҧыс „парень, юноша“: аҳҭнырҧыс „придворный парень“...

д) (а)хьча „охранник, пастух“—аʒлагарахьча „мельник“, аҵьмахьча „пастух коз“, аҽыуарлынхьча „кучер“...

2. Однако некоторые из перечисленных слов и суффиксов могут сочетаться со словами, семантически выражающими класс вещей и животных.

афырхаҭа „герой (о человеке) — аҡалаҡь фырхаҭа „город герой“.

ахьча «охотник, пастух»: ауасахьча «чабан» (о человеке)— «алахьча||ахьчала «собака охранник»...

— **ɷ(ы): ашәḱуɷɷы „писатель“, арҭаɷы „учитель“** (о человеке) — аҽ куарɷы „иноходец“, ала шәарыцаɷ **„охотничья собака“...**



**С. А. Амичба** (Сухуми)

# О НЕКОТОРЫХ ДИАЛЕКТНЫХ ВАРИАНТАХ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В АБХАЗСКОМ И АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ

1. Как известно, категория грамматических классов пронизывает почти всю морфологическую систему абхазского и абазинского языков. Выражение классов в различных частях речи проявляется по-разному. Однако почти во всех частях речи, где эта категория имеется, наблюдаются некоторые отклонения от норм использования классных экспонентов.

2. В системе противопоставления класса человека классу вещей, проявляющейся в существительных множественного числа, наблюдаются следующие отклонения:

1) показателем класса вещей -к$_{о}$а часто оформляются слова, семантически выражающие класс человека: ah°šaк°a «женщины», ах$_{о}$əč̣ḳ$_{о}$a «дети», aš$_{о}$aracaӧ$_{о}$к$_{о}$a «охотники», ač̣к$_{о}$ənк$_{о}$a «ребята», asṭudenṭк$_{о}$a «студенты» и т. д., и наоборот, суффикс класса человека -с$_{о}$а оформляет слова, семантически выражающие класс вещей: amš° apac$_{о}$a „медвежата“ (буквально: медведь сыновья), aʒəs aӧ$_{о}$əzc$_{о}$a «товарищи козленка» (К. В. Ломтатидзе);

2) суффиксы -с$_{о}$а,-к$_{о}$а одновременно могут присоединиться к одной основе: абх. ахас$_{о}$ак$_{о}$а «мужчины», абаз. арас$_{о}$ак$_{о}$а «сыновья» (К. В. Ломтатидзе);

3) в разных диалектах к одним и тем же словам могут присоединиться различные показатели класса (К. В. Ломтатидзе):

абх. ah$_{о}$sак$_{о}$a абаз. (ашх.) aph$_{о}$əsc$_{о}$a || ph$_{о}$əsrωa || ph$_{о}$əsк$_{о}$a „женщина“;

„ ač̣ḳ$_{о}$ənc$_{о}$a „ (тап.) ač̣ḳ$_{о}$ənк$_{о}$a „ребята“.

„ awasax˜šc$_{о}$a „ awasaxčaк$_{о}$a „пастухи“;

3. Отклонения от норм использования классных экспонентов имеют место в употреблении местоимений и личных аффиксов. Так, в абжуйском диалекте одноличный непереходный глагол для обозначения лица субъекта вместо показателей ряда «d» использует показатели ряда «l»: lara ləmsaaṭ! «столько ей здоровья!» (буквально: «пусть она не умрет»), вместо làra dəmsaaṭ! - jara imsaaṭ! «столько ему здоровья!», вместо jara dəmsaaṭ! lara ləmsaaṭ, dəšlaaʒamto «столько

ей здоровья, что он ее воспитанник!» dəmç$_{o}$əwaq$_{o}$a, jara imsaaṭ, aublaa dipoup «почему он не должен плакать, сын убыха что ли!» (буквально: «столько ему здоровья, пусть плачет, он не сын убыха»!).

В диалектах наблюдаются расхождения в употреблении личных аффиксов:

абх. ph$^{o}$əs aagara абаз. ag$_{o}$ž$_{o}$a dωagra „жениться";

абх. ačʷəẅ$_{o}$ra agara абаз. čʷəω$_{o}$ra igara „возить зерно, урожая"

абх. ax$_{o}$(napəla) igara абаз. ax$_{o}$ə(napəla) dgara „нести раненого на руках"

В абазинских диалектах местоимение zaž$_{o}$ə семантически выражающий класс человека, может сочетаться с именами как класса человека, так и класса вещей: čʷə zaž$^{o}$əq «одна только лошадь» (буквально: «лошадь кто-то»), q$^{o}$ṭu zaž$_{o}$əq «одна только курица». В абхазских диалектах в этих случаях выступает слово zaç$_{o}$əq «единственный».

4. В фольклоре, а именно в сказках и баснях, при обращении к одним и тем же неразумным существам замечается смешение по классам рода: uləmhak$_{o}$a q$_{o}$əžʒa uqāčq$_{o}$ən alagəlap (ažazə) «твои острые уши на твоей маленькой голове (о зайце)", səpsə japšəu saxša čq$_{o}$ən, bara babaʒa pšʷʒu «моя душа, моя маленькая сестричка, до чего ты красива!» (о зайце).

5. Основы глагола в масдаре не оставили никаких следов категории классов. Исключение составляют две основы тапантского диалекта, где представлено семантическое противопоставление одушевленных и неодушевленных (К. В. Ломтатидзе): (a)gara «нести кого-то», (a)dara «везти кого-то», azgara «собрать что-то», azdara «собрать кого-то». Такое противопоставление сегодня в абхазских диалектах не прослеживается, но разграничение должно было быть в прошлом, о чем свидетельствуют некоторые сложные основы: aẅnadara «усыновить» (буквально: «везти домой человека»), abaandaẅ$_{o}$ə «арестант», arədara ‖ ax$^{ʷ}$arədara «исчезать, спрятаться», ajzraadara «выравнивать, свалять (шерсть)», ajadara ‖ ajdara «груз» (буквально: «груз нести», «груз везти») и т. д.

Абазинскому корню da «нести», «везти» в абхазском соответствуют и другие аффиксы (корни-суффиксы):

абаз. ωaldara абх. alxra „выводить птенцов"
абаз. ʒ$^{o}$ək$_{o}$dara абх. ad$_{o}$ək$_{o}$çara „отправлять"
абаз. nəq$_{o}$dara абх. anəq$_{o}$cara „водить" и т. д.



**Ш. К. Аристава** (Сухуми)

# КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО КЛАССА В СВЯЗИ СЛОВ

## (По данным абхазского языка)

1. Категория грамматического класса используется в определенных случаях для связи компонентов предикативных и атрибутивных словосочетаний. В предикативных словосочетаниях связь в классе бывает между субъектно-предикатно-объектными компонентами, в атрибутивных же словосочетаниях — между определяющим и определяемым.

Характер связи в классе предопределяется формой выражения категории класса в сочетающихся компонентах.

Как известно, в глаголе категория класса имеет морфологическое выражение в формах второго и третьего (субъектного и объектного) лица ед. числа. В формах же первого лица ед. числа и во всех лицах множественного числа глагол не различает классов. Следовательно, категория класса не проходит через всю систему спряжения глагола.

В именах категория класса имеет преимущественно семантическое выражение. Суффиксы мн. числа имен -қуа, -цəа, -аа‖раа не образуют строго коррелятивных форм по классам человека и вещи:

а) суффикс мн. числа -қуа встречается преимущественно в именах семантики класса вещей, однако употребление его в словах семантики класса человека не является исключением: ахацəақуа «мужчины», аҳəсақуа «женщины», аурыскуа «русские», ақырҭқуа «грузины», аерманқуа «армяне», уҵқнцəақуак «какие-то парни»...

В тапантском же диалекте он имеет одинаковое употребление в именах семантики и человека, и вещи (К. В. Ломтатидзе). Суффикс -қуа не различает классов также в словах качественной характеристики: аҵқунцəа бзиақуа «хорошие парни», ашəҟу бзиақуа «хорошие книги»;

б) суффикс -цəа имеет более системное употребление в именах семантики класса человека. Однако, не исключается употребление его и в именах семантики класса вещей: аҳəа аҧацəа аманы инеиуеит «идет свинья со своими поросятами»; ацгу аҧацəа «котята кошки»...;

в) словообразовательный суффикс -ɷы увязывается преимущественно с семантикой личности, но коррелятивной формы по грамматическому классу не образует. Встречаются случаи его употребления и в словах семантики класса вещей:



Т. П. Шьақрыл
лбиблиотека

Аҿ марҕь рҳаҿуп. (Пословица) «Косоглазый конь пуглив». Адаҕь ныҟуаҿы «лягушка-путешественница», ахьшьчакҿы «ястреб-перепелятник», алашәарыцаҿ «охотничья собака»...;

г) словообразовательная функция прослеживается в определенных случаях и в суффиксах числа — цәа и собирательности -аа:

ашәаҳәаҿ „певец“ — ашәаҳәацәа — „певцы“, акуашаҿ „танцор“ — акуашацәа, „танцоры“, анхаҿы „крестьянин“ — анхацәа „крестьяне“, Уаҭҳара„ Отхара“ — уаҭҳараа „отхарцы“, Гудоуҭа — гудоуҭаа „гудаутцы“.

3. Можно полагать, что значение класса имеет лексическое выражение и в местоимениях (например, личных), поскольку согласные элементы (с гласной огласовкой), с которыми увязывают функцию морфологического выражения категории класса, составляют одновременно и основу этих же местоимений: са-ра «я», уа-ра «ты» (м.), ба-ра «ты» (ж.), иа-ра «он» (м.), ла-ра «она» (ж.), ҳа-ра «мы», шәа-ра «вы», да-ра «они».

4. При отсутствии в именах систематически выраженной морфологической корреляции по классам нельзя, видимо, говорить о согласовании имени с глаголом или имени с именем в классе. В данном случае можно говорить лишь о морфологическом обозначении семантического различия имен по классам в глаголе. Иначе говоря, субъект и объект обозначаются в глаголе морфологически (Арн. Чикобава).

Для обозначения этой специфической связи следует найти более приемлемый термин, чем «согласование», который имеет широкое применение в кавказоведении в аналогичных случаях.

5. Категория класса не проходит через всю систему связи имени с глаголом, она включается в связь лишь во втором и третьем (субъектном и объектном) лице ед. числа. В первом же лице ед. числа и во всех лицах мн. числа категория класса исключается из связи.

**Н. В. Аршба** (Сухуми)

## ВЫРАЖЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ КЛАССОВ ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ ИМЕН АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА

1. Как известно, в современном абхазском языке в единственном числе имена не различают категории грамматических классов. Только множественное число класса человека и



класса вещей обычно выражается различными суффиксами С°а и К°а, что считается вторичным явлением.

2. Отсутствие строгого классового разграничения в употреблении формантов К°а (в основном) и С°а (отчасти) свидетельствует о тенденции ослабления выражения категории грамматических классов во множественном числе имен абхазского языка.

3. Процесс разрушения категории классов намечается и в абхазском слове ǯowḳə′ «некоторые», которое, как полагают, первоначально относился к категории человека, а теперь может употребляться и по отношению к классу вещей.

**П. М. Багов** (Нальчик)

## НОВЫЕ ФУНКЦИИ КЛАССНЫХ ЭКСПОНЕНТОВ Е и Р В АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Как известно, современные адыгские языки (а также убыхский язык) не располагают грамматическими (морфологическими) средствами выражения категории человека и вещи, специфичной для абхазского и абазинского языков. Однако, как это установлено в специальной литературе, категория класса (или лица и вещи) была характерной особенностью грамматической системы и адыгских языков.

2. С утерей данной категории грамматические средства ее реализации — классные экспоненты модифицировались или бесследно исчезли. Сохранившиеся грамматические показатели подверглись переосмыслению; они стали носителями новых функций в структуре слова.

3. К таким преобразованным экспонентам относятся глагольные префиксальные морфемы Е-‖Р-: е-сэн «привыкнуть к кому-чему-л., е-тын «дать кому-н. что-л.», и-р-и-тхэн (р-и-тхэн «писать чем-л.»), и-р-и-кIуэн (р-и-кIуэн «идти по чему-н.») и др.

Эти морфемы отличаются нечеткостью своей грамматической функции и «нестандартностью поведения» в структуре глагола, что не может не свидетельствовать об утрате былой функции и о незавершенности процесса перестройки на «новый лад».

**И. О. Гецадзе** (Ленинград)

## ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЛИЧНОГО И КЛАССНОГО СПРЯЖЕНИЯ В АБХАЗСКО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

1. В абхазско-адыгских языках имеется один из своеобразных вариантов категории грамматического класса: в убыхском и адыгских языках представлен личный тип спряжения, которому, как об этом указано в специальной литературе, предшествовало классно-личное спряжение абхазского типа, берущее начало, со своей стороны, от моноперсонального классного типа спряжения, сохранившегося в виде реликтовых отложений в ряде древнейших глагольных образований в абхазско-абазинской подгруппе языков (например, в формах деепричастия, повелительного наклонения и т. д.).

2. Изучение перехода классного спряжения в личное показывает, что адаптация классных префиксов к изменившимся условиям, условиям личного спряжения, протекала довольно сложно, но, по всей вероятности, именно использование классных префиксов с новой функцией, или реинтерпретация их функций явилось тем стимулирующим фактором, который способствовал их сохранению в системе убыхского и адыгских языков. Кроме того, очень важно и то обстоятельство, что был сохранен и основной структурный признак: личный показатель продолжает выступать, так же как и классный показатель, в качестве префикса ближайшего объекта в транзитивных и префикса субъекта в интранзитивных формах глагола.

3. Изменения, происшедшие в структуре глагола в связи с «субъективизацией» (и, следовательно, с возникновением полиперсонального, многовалентного его варианта), имели соответствующие синтаксические «последствия» и, видимо, послужили своеобразным катализатором для формирования (на базе категории определенности) основных субъектно-объектных падежей в убыхском и адыгских языках. В абхазско-абазинской же подгруппе образование классно-личного типа спряжения вызвало заметное расшатывание порядка расположения перед глагольной формой немаркированных падежными флексиями подлежащего и дополнения, так как в самой структуре глагола с достаточной детализацией были обозначены и субъект и объект.

4. Учет истории образования лично-классного и личного типа спряженин дает возможность объяснить причины существования различных вариантов способа представления синтаксических конструкций в близкородственных абхазско-адыгских языках.



**Н. Т. Гишев** (Майкоп)

## О КЛАССЕ ЧЕЛОВЕКА И ВЕЩЕЙ, КАК СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Имена существительные в адыгейском языке подразделяются на два семантических класса: класс человека и класс вещей.

2. С существительными класса человека соотносится вопросительное местоимение **хэт?** «кто?» (адыг. **кIалэ,** каб. **щIалэ** «парень», адыг. **цIыфы,** каб. **цIыху** «человек»), а к именам класса вещей адыг. **сыд?** каб. **сыт?** «что?» (адыг. **гущыI**, каб. **псалъэ**, адыг.-каб. **насып** «счастье»).

3. С неразумными именами существительными может быть соотнесено вопросительное местоимение **хэт?** «кто?», если они олицетворяются с разумными, например, в сказках, баснях, вообще поэтических произведениях, когда представители неразумных существ выступают в роли разумных.

4. В отдельных случаях и к представителям класса человека ставится вопрос **сыд?‖сыт?** «что?», например: к новорожденному ребенку (адыг. **сыд а шъузым къылъфыгъэр?** каб. **сыт а фызым къилъуар?** «что эта женщина родила?»). Тот же вопрос ставится, когда речь идет о недостойном человеке (адыг. **сыд ицIыфыгъа ащ!** каб. **сыт** и **цIыхугъэ абы!** «Что же за человек он!»), о его качествах, достоинствах (адыг. **сыд фэдэ цIыф?,** каб. **сыт хуэдэ цIыху?** «каков (дословно: на что похож) человек».

5. При сочетании существительных с глаголами типа **иI** «имеет», къыхьыгъ «принес» и т. п., к данным именам существительным может быть поставлен вопрос **сыд?** «что?».

6. Характер субъектно-объектных сочетаний с глаголами лабильной конструкции дает дополнительное основание предположить об историческом существовании категории человека и вещей в адыгейском языке.

**Х. Б. Дауров** (Майкоп)

## К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Грамматические классы, характерные для иберийско-кавказских языков, не сохранились в морфологической системе современного адыгейского языка. Наличие грамматических классов в прошлом в адыгских языках доказывается сравнением адыгских языков с родственными (Г. В. Рогава).

2. В адыгских языках, как и в других иберийско-кавказских языках, все имена существительные подразделяются на два семантических класса в зависимости от вопросов, на которые они отвечают. Например: 1) на вопрос **хэт?** «кто?» — **шакIо** «охотник», **Iахъо** «пастух», **мэзылI** «лесной», **Iъэпшь** «бог кузнечного ремесла, железа и оружия», **амышъ** «покровитель мелкого скота», **псыхъогуащ** «богиня рек», «русалка», **тхьэ** «бог»; 2) на вопрос **сыд?** «что?» — **унэ** «дом», **шкIэ** «теленок», **мышъэ** «медведь», **шыблэ** «гром», **уашъо** «небо» и др.

3. Из двух вопросов, на которые отвечают семасиологические классы, более отвлеченным, общим является вопрос **сыд?** «что?». В тех случаях, когда спрашивающему не известен семасиологический класс имени, может быть поставлен вопрос **сыд?**

4. В лексике адыгских языков выделяется ряд групп имен существительных, прилагательных, сочетающихся с определенными семасиологическими классами.

**Р. С. Джанашиа** (Тбилиси)

## ЭКСПОНЕНТЫ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ АБХАЗСКО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Из абхазско-адыгских языков только в абхазско-абазинских числительных имеется морфологическое противопоставление грамматических категорий человека и вещи (x°-ba «пять», катег. в. и x°ə-ɷ°ə катег. ч.). Исследование данного вопроса убеждает, что деление это — вторичное и используемые суффиксальные морфемы изначально должны были иметь другую функцию.

2. Исторически во всех абхазско-адыгских языках действовала префиксальная система грамматических классов, следы которой лучше прослеживаются в убыхском и адыгских языках.

3. В качестве древнейших показателей грамматических классов выделяют *d→ṭ ‖ t, *b→ṗ ‖ p (И. Джавахишвили, Г. Рогава, Н. Андгуладзе...).

4. В рассматриваемых языках основы числительных делятся на:

а) основы, не сохранившие никаких следов грамматических классов, как, например: za, zə (абх.-абаз., адыг. яз., убых.) «один», **ха-**, šə, s'ə (абх.-абаз., адыг. яз., убых.) «три»...;



б) основы с экспонентами грамматических классов, как, например: ṭ-q°ə ← *d-q₀ə (адыг. яз., убых.) «два», t-x'°ə ← *d-x'°ə (адыг. яз.) «пять»...

**А. Е. Кибрик, А. И. Коваль**
(Москва)

## ПРИРОДА ИМЕННЫХ КЛАССОВ И МЕТОДЫ ИХ КОНТЕНСИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ

1. О наличии в языке именных классов говорят тогда, когда они морфологически выражены и выполняют синтаксические функции. При этом ведущими являются те морфологические средства (называемые обычно классными показателями), которые используются в словах, синтаксически связанных с соответствующими именами. Присутствие же показателя класса в самом имени возможно (ср. африканские языки, кетский), но не обязательно (ср. дагестанские, австралийские языки).

2. Определяющей характеристикой именной классификации является ее синтаксическая роль. В частности, наиболее конструктивным критерием определения числа и состава классов признается синтаксический: в один класс попадают слова, одинаково ведущие себя в диагностических контекстах. Далее, такой подход подкрепляется тем обстоятельством, что семантические основания именной классификации для многих языков по крайней мере неочевидны.

3. Исторически ведущим является тем не менее семантический аспект, а морфологический и синтаксический выполняют по отношению к нему вспомогательную или интерпретирующую роль. Иными словами: наличие классного согласования и соответствующих морфологических форм следует из универсальных свойств семантики человеческого языка и его именной лексики. Поэтому семантическому аспекту именной классификации классных языков должно уделяться особое внимание. Изучение этого аспекта, как правило, неразрывно связано с историей становления и развития именных классов.

4. Необходимо поэтому выработать и использовать методы, способствующие нахождению объективных семантических характеристик, лежащих в основе именной классификации. Среди таких методов можно назвать следующие. Во-первых,

поиск словообразовательных гнезд, которые образуют от одного корня слова разных классов, и выделение семантических приращений (например. арч. lo. I «мальчик», lo. II «девочка», lo. IV «детеныш», lo. VIII «ребенок»; čut III «большой кувшин», čut. IV «маленький кувшин»). Во-вторых, выявление устойчивых конгломераций имен, попадающих в один класс и одновременно переходящих из класса в класс в родственных языках. В-третьих, выяснение связи именных классов с типом склонения и с категорией числа. В-четвертых, изучение способов распределения заимствуемой лексики по классам как в синхронии, так и в диахронии. В-пятых, освоение типологического опыта, накопленного языкознанием в выявлении общего инвентаря классных значений.

5. Сравнение открытых классных систем разнотипных языков (дагестанских, африканских, индо-европейских, австралийских, кетского, бурушаского и др.), а также скрытых «классных систем», в том или ином виде присутствующих во всех языках, вскрывают универсальные принципы семантической именной классификации, и в то же время может служить надежным ориентиром при исследовании конкретных языков.

**В. Х. Конджария** (Сухуми)

## О ФУНКЦИЯХ ПОКАЗАТЕЛЯ 2-го ЛИЦА КЛАССА МУЖЧИН В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Как известно, в спряжении глагола абхазского языка во 2-м лице единственного числа представлено два показателя: показатель класса мужчин w, исторически восходящий к общему для всех иберийско-кавказских языков показателю класса человека (Арн. Чикобава, А. Д. Андгуладзе) и показатель класса женщин b, исторически восходящий к классу вещей (Г. В. Рогава).

2. Помимо выражения противоположных классов экспоненты w и b различаются и в отношении широты их реализации: функции w значительно шире, чем функции b. Сфера расширения реализации экспонента класса мужчин W произошла за счет использования его:

1) в глаголе-сказуемом обобщенно-личного предложения: unac$_{o}$axə uzrəlamço awaa rac$_{o}$oup «так много людей, что палец не проткнешь»; ilowçaz awp jaawrəx'wa «что посеешь, то и пожнешь»;

2) в случаях персонификации: naq wca, wara, taqar «уходи (туда), Такар».



Кроме того, w встречается:

а) в усилительно-утвердительной частице žwəšt: maǩ baaszəpšʊə, žwəšt «немного уж подожди ты (женщ.) меня»;

б) в вводных словах и словосочетаниях: jag'a wmh°an «что ни говори», jaaxç°anʊ iwh°ozar «прямо сказать» и т. д.;

в) в частице wh°a, используемой при перечислении: ban, bab wh°a brazçaa «спроси ты (женщ.) у отца, матери и т. д. səə̈°nə, sg°ara wh°a zeg´ə š°napə janəsçojt «двор, дом (мой) и т. д. все поручаю вам».

**Т. Х. Куашева** (Нальчик)

## О СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕЖИТКАХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ТЕРСКИХ ГОВОРАХ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

1. Как известно, в иберийско-кавказских языках и, в частности, в абхазо-адыгских, употребление вопросительных местоимений имеет свои особенности. Вопросительное местоимение «кто?» немыслимо относить к классу животных. Животные относятся к классу неразумных и поэтому к ним ставится вопрос «что?». Такое положение в адыгских языках (равно и в других языках абхазо-адыгской группы) является семантическим пережитком деления предметов на классы разумных и неразумных.

2. В терских говорах кабардино-черкесского языка наблюдается любопытное явление, а именно: при выяснении имени человека не ставится вопрос «как твое имя?» или «как твоя фамилия?», а ставится: «кто твое имя?» или «кто твоя фамилия?»

Данное явление, несомненно, связано с разграничением предметов реального мира в историческом прошлом адыгских языков на класс разумных и неразумных и вещей. В настоящее время семантическая нить связи имени и фамилии с человеком предопределяет постановку вопроса в терских говорах — хэт уи унэцIэр? «кто твоя фамилия?», хэт уи цIэр «кто твое имя?».

**Н. Х. Кулаев** (Орджоникидзе)

# СЛЕДЫ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В СОВРЕМЕННОМ ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. В современном осетинском языке нет ни категории грамматических классов, ни категории грамматического рода, нет также категории «одушевленности» и «неодушевленности».

2. Следы грамматических классов в современном осетинском языке прослеживаются в оформлении прямого объекта в основном то в форме именительного, то в форме родительного падежа. «В различении двух форм прямого объекта в осетинском нашло отражение старое деление имен на два класса: класс личности и класс имен» (В. И. Абаев).

3. Прямой объект в современном осетинском языке для класса вещей выступает в форме именительного падежа: л ппу балх дтон чиныг «мальчик купил книгу», а для класса личности в форме родительного падежа. Таймураз бауарзта Залин ны «Таймураз полюбил Залину».

4. Деление имен на класс личности и класс вещей особенно наглядно выступает в употреблении относительно-вопросительных местоимений чи? «кто?» и цу? «что?» От местоимения чи? «кто?» прямой объект может иметь только одну форму родительного падежа к й? «кого?», от цы «что? — только форму именительного падежа цы? «что?».

5. Прямой объект первоначально выступал только в форме именительного падежа, о чем свидетельствуют сложные слова ,представляющие собой сочетания прямого объекта (в им. пад.) с переходным глаголом к нын «делать», напр., цырыхъг н т «сапожник» (дословно: «изготовляющий сапоги»), хъ рк нын «кричать» (дословно: «крик делать»), хуым к нын «пахать» (дословно: «пахоту делать») и т. д.

6. В современном осетинском языке есть и такие имена, которые в качестве прямого объекта могут выступить и в форме именительного падежа, и в форме родительного падежа. К таким именам относятся названия домашних и диких животных, птиц, насекомых и т. д. Например, можно сказать: карк асур и карчы асур «прогони курицу»; б х сифтындз и б хы сифтындз «запряги лошадь»; или ацы б х сифтындз и ацы б хы сифтындз «запряги эту лошадь», г л бу рцахс и г любуйы рцахс «поймай бабочку» и т. д.

Это, по нашему мнению, — средний (промежуточный) класс между классом личности и классом вещей. Следовательно, в современном осетинском языке довольно отчетливо сохранились следы трех древних грамматических классов.



**В. Н. Меремкулов** (Черкесск)

# К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССАХ В АБАЗИНСКОМ И АБХАЗСКОМ ЯЗЫКАХ

1. В абазинском и абхазском языках одним из основных показателей категории человека является суффикс **-гIвы** (-ω°ə), восходящий к **гIвы‖уа-гIвы** (ω°ə ‖ wa-ω°ə) «человек».

Как продуктивный словообразовательный элемент, указанный суффикс, присоединяясь к основе глагола, образует в обоих языках имена существительные со значением человека-деятеля: абаз. **а-ры-пхьа-гIв** (а-rə-pχ˘а-ω°) «учитель», абх. **а-р-цIа-гIвы** (а-r-ҫа-ӧ$_{\circ}$ᵊ) — в том же значении.

В адыгских языках этот грамматический показатель категории человека представлен чуть ли не в единственном слове: адыгей. **шы-у** (ŝᵊə-w), каб.-черк. **шы-у** (ŝə·w), бесл. **щы-у** (ŝə·w) «всадник», букв. «конь-человек». Ср. с абаз. **тшы-гIв** (čᵊə-ω°), абх. **а-тшы-уа-гIв** (а-čᵊə-wa-ӧ$_{\circ}$) — в том же значении.

2. В абазинском и абхазском языках показатель категории человека отсутствует в сложных именах типа: абаз. **тшы-хча** (čᵊə-хča), абх. **а-тшы-хьча** (а-čᵊə-х˘ča) «табунщик», которые образуются аналогично адыгским: каб.-черк. **шы-хъуэ** (ŝə-х°ă) — в том же значении.

Как видно, в именах этого типа во всех абхазо-адыгских языках значение человека выражается семантически.

3. В абазинском языке показатели категории человека: **-гIвы** (-ω°ə), **-уы** (-wə), **-джь** (-ǯ), **-джв** (-ǯ°) широко используются при образовании имен числительных, в частности, порядковых: **(ы)-гIвы-джь-хауа** «второй» (о человеке). В данном случае в абазинском порядковые числительные и для категории человека и для категории вещей имеют причастную форму образования. В абхазском же и адыгских языках указанная форма числительных образуется по одинаковой модели. Ср. каб.-черк. **йэ-ща-нэ-р-ей** (jă-s′a-nă-r-ej), абх. **а-х-па-тIв-и** (а-х-ра-ṭ°-i), где наряду с другими аффиксами представлены показатели определенности **-р-** (-r-) — в адыгских, (а-) — абхазском; показатель принадлежности **-ей** (-ej) — в адыгских, **-тIв** (-ṭ°ə) — абхазском языках.

**Х. Х. Пшуков** (Нальчик)

## КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ И ОМОНИМЫ

1. Отмирание категории грамматических классов в адыгских языках оставило различные следы в грамматике и лексике.

Результатом утери категории грамматических классов является возникновение или исчезновение некоторых лексических омонимов.

2. Слияние показателя категории грамматических классов с корнем одного слова вызвало совпадение по звучанию данного слова с другим, не претерпевшим аналогичного изменения.

Другие же омонимы перестали существовать под влиянием слияния показателя категории грамматических классов с одним из членов омонимичной пары: каб. тхуы, адыг. тфы, абх.-абаз. хуы «пять» и каб. хуы «просо», адыг. фы-гу «пшено», абх. а-худз «просо», «пшено», абаз. хъвдзы «пшено»; каб. бадзэ «муха», абх. а-дз, абаз. цIы-дз «блоха», и каб. дзэ, адыг. цэ, абх. ахапы-ц, абаз. пы-ц (а-ц дукуа змоу — «зубастый»), «зуб».

3. Во многих случаях один и тот же показатель категории грамматических классов слился с обоими членами омонимичной пары и сохранил омонимию, например: каб. пшьын, адыг. пшын, убых. пшьа, абх. а-шəа-ра, абаз. й-шва-ра «мерить» и каб. пшъын, адыг. пшын, абх. а-шва-ра «накачаться, задыхаться от усталости» и т. п.

**А. Н. Силантьев** (Ростов)

## К ПРОБЛЕМЕ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ КАТЕГОРИИ ГРАМАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ

(На материале абхазо-адыгских языков)

1. Проблема возникновения и развития категории грамматических классов стоит непосредственно лишь в абхазо-абазинской подгруппе абхазо-адыгской группы языков. Однако в решении этой проблемы прежде всего необходимо обращение к материалу языков адыгской подгруппы, в которых употребление формантов, не связанное рамками классных противопоставлений, может отражать или повторять определенные черты языкового строя эпохи, непосредственно предшествовавшей фиксации классов.



2. Анализ префиксальной системы словоизменения абхазо-адыгских языков с точки зрения функциональной семантики позволяет установить общие модели порождения традиционно различаемых морфологических структур. При этом упомянутые различения проводятся обычно на основе сопоставлений с конструкциями того же значения в языках других семей (в частности, индоевропейских). Выводимые модели порождения, таким образом, представляют глубинную специфику рассматриваемых языков.

3. Принимаемые в качестве аппарата исследования, специфические модели функционального порождения ведут к установлению глубинно-семантических эквивалентностей определенных позиций в наблюдаемых словоформах. Заполняющие эти позиции показатели оказываются тем самым связанными в системы противопоставлений, отличные от традиционных.

4. Специальный анализ этих систем внутри каждой из подгрупп: адыгской и абхазо-абазинской, с учетом материальных соответствий формантов в них, позволяет установить конкретный механизм фиксации функциональных противопоставлений в качестве классных.

5. Основой (глубинной семантикой) обнаруженных противопоставлений оказывается система языкового дейксиса, сводимая диахронически к системе указаний в реальном пространстве. Таким образом, различия в функциональном употреблении отражают объективно различные возможности указания при разнице в расположении денотатов языковых конструкций. Закрепление этих различий в классной системе есть частный случай грамматикализации конкретно-семантических значений, переход от **навязанных** структурой реального денотата к **определяющим** структуру языкового, идеального денотата способам выражения.

6. Проведенное исследование выясняет, как было сказано, некоторые конкретные черты этого процесса применительно к языкам абхазо-адыгской группы. Аналогично предложенные общие принципы могут быть конкретизированы на материале других групп иберийско-кавказских языков. Сопоставительный анализ на той же основе, в совокупности с другими методами и результатами историко-сравнительного изучения, может быть полезен в выяснении и уточнении отношений между этими группами в целом.

**Х. Т. Таов** (Нальчик)

## ЭКСПОНЕНТЫ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ И ПАДЕЖНЫЕ ФОРМАНТЫ В АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

1. В современных адыгских языках грамматические классы осознаются лишь как лексикосемантическая категория. Двум лексико-семантическим классам имени соответствуют два вопросительных местоимения: вопрос хэт? «кто?» относится к человеку, а вопрос сыт‖сыд‖шъыд‖сти‖си — «что?» ставится ко всем остальным.

Этим местоимениям соотносительны два глагола: цIыхун (каб.-черк.), и нэIосэн (адыг.) — «знать кого-либо» (относится исключительно к человеку) и шIэн (каб.-черк.), шIэн (адыг.) — «знать что-либо» (употребляется применительно к животным и предметам).

2. Отсутствие в адыгско-убыхском языковом ареале грамматической категории классов, которая пронизывает всю морфологическую систему абхазской подгруппы западно-кавказских языков, — явление вторичное.

Как известно, с отмиранием категории классов в адыгских языках произошла реинтерпретация функции их классификаторов. Одни слились с корнями, другие стали функционировать в роли аффиксов других морфологических категорий — лица, числа, падежа и т. д.

3. Так показатели эргативного падежа от указательных местоимений бы (каб.-черк.), шь (адыг.) — исторически экспоненты грамматического класса вещей. Формант **б** сопоставляется с соответствующим материалом других иберийско-кавказских языков.

**В. Г. Шенгелиа** (Тбилиси)

## ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И ВЕЩИ В ГЛАГОЛАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ИМЕТЬ» В ДРЕВНЕГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. В древнегрузинском языке со значением «иметь» встречаются несколько глаголов: hqavs, uvis, eswa, udgs (edga), uc (←uʒ-**s**), edva, akus, usxen$^{1}$an$^{1}$ (esxnes).

Все эти глаголы характеризуются одинаковыми грамматическими признаками. Все они двухличные, непереходные, статические, инверсивные, дефективные, образуют дативную конструкцию.



В глаголах «иметь» представлено лексико-семантическое противопоставление личности и вещи. При этом из двух имен, связанных с этими глаголами, семантическая дистрибуция глаголов «иметь» связана с именем в именительном падеже (с морфологическим субъектом).

2. Три из указанных глаголов — hqavs, uwis, eswa употребляются по отношению к человеку, т. е. при этих глаголах в качестве реального объекта (морфологического субъекта) выступает разумное существо (напр., hq—vanda ʒej «имел он сына»; ara givis kmari «не имеешь мужа», eswa mas moçapei «имел он учеников»).

3. Глаголы udgs (edga), uc, edva обозначают «имение» вещи; это значит, что с ними в качестве реального объекта встречается «нечеловек» (напр., udgs saxli «имеет дом»; edga cxovari «имел он овцу»; direj gic «бревно имеешь»; edva samoseli «имел он одежду».

4. При глаголе akus в качестве реального объекта чаще встречаются вещи, реже — человек (напр., gakus puri «имеешь хлеб»; akun mçqemsi «имеет пастуха»).

5. Глагол usxen$^{1}$an$^{1}$ (esxnes) употребляется когда объект обладания стоит во множественном числе или выражает множество предметов (напр., ʒmani usxen «братьев имеет»; gesxnes qurni «имеете вы уши»; esxnes šydšyl «имел семеро детей».

6. Лексико-семантическое противопоставление личности и вещи в глаголах со значением «иметь» — вторичное явление, мотивированное древней бинарной структурой грамматических (и семантических) классов в картвельских языках.

**Ю. Д. Дешериев** (Москва)

## К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ

1. Возникновение в структуре языка грамматических категорий (главным образом) трех типов: 1) категории, выражающие определенные отношения в природе и обществе, пространственно-временные отношения (например, категории падежа, времени и т. д.); 2) категории, характеризующие отношения человека к действительности, к фактам действительности (например, категории наклонения и др.); 3) категории, обусловленные социальными факторами (например, категории, отражающие социальную, идеологическую дифференциацию общества и т. д.).

Принципиальное значение выяснения вопроса об отнесении категории грамматических классов к одному из трех указанных типов явлений (по ее природе и происхождению).

2. Древнейшая социальная организация человечества и ее отражение в языке:

а) первобытная социальная организация, основанная на различии полов; одновременное сосуществование двух организаций — половой и родовой (по Льюису Г. Моргану); класс с мужской и женской ветвями, составлявший единицу общественной системы у австралийцев, говоривших на языке камиларои. Наличие двух имен у каждого члена рода — классового (родового) и личного. Тотемное происхождение классового (родового) имени;

б) родовая социальная организация; возникновение кровного родства, его отношение к образованию семей генетически родственных языков. Категория грамматических классов как предполагаемый результат трансформации лингвистического отражения многократного смешения родов и пережиточного сохранения в языках определенных элементов родовой (тотемной) организации общества при полном исчезновении древнейших типов языков и племен как целостных структур.

**Д. С. Имнайшвили** (Тбилиси)

## ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ И ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Экспоненты грамматических классов нахских языков могут быть использованы и для образования глагольных основ.

2. Основа с классным показателем сопоставляется с основой без классных показателей. От основы без классного показателя образуется настоящее время (от него — прошедшее непрерывное, причастие и абсолютив настоящего времени), от основы с классным показателем: инфинитив и группа времен аориста (прошедшее недавнее, прошедшее определенное, прошедшее неопределенное); например, в чеченском языке: инфинитив d-al-a$^n$ «дать», первая основа l-, вторая основа d-al, наст. вр. lwo, прош. недавнее d-al-i$^n$, d-el-i$^n$ (диалектные варианты) и т. д.

3. В глаголе бацбийского языка различаются статические и динамические глаголы, среди динамических глаголов — совершенный и несовершенный виды.



Форма с классным экспонентом имеет значение совершенного вида.

4. В большинстве диалектов чеченского языка обобщена форма с классным экспонентом.

5. В ряде глаголов чеченского языка имеется основа с классным экспонентом в виде префикса. В бацбийском языке соответствующая основа представлена без классных экспонентов. Например, в бацбийском языке: статич. глагол: инф. aḳ-a$^n$ «гореть», наст. вр. owḳй «горит», динам. гл. aḳ-d-a$^n$ «зажечь, зажигать» (срв. в чеч. языке: статич. гл. d-āg-a$^n$ «гореть», наст .вр. d-āgu, d-ōgu (диал. вар.) «горит», динамич. глагол: d-āgwō$^n$, d-ōgwō$^n$, (диал. вар.) «зажечь, зажигать»).

6. Основа с классным экспонентом, т. е. сложная основа по сравнению с простой основой, по-видимому, выражала более определенное, завершенное действие.

Данное положение имеет значение для выяснения истории образования глагольных основ нахских языков.

**И. Ю. Алироев** (Грозный)

## РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ ПО ГРАММАТИЧЕСКИМ КЛАССАМ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

1. В чеченском и ингушском языках шесть грамматических классов, в бацбийском — восемь. Показателями грамматических классов в нахских языках являются: в-, й-, б-, д-. К первому классу относятся имена существительные, обозначающие существа мужского пола, ко второму классу — существа женского пола. Все остальные имена существительные распределены по остальным классам.

2. Статистические данные говорят об определенном процентном отношении оформления иноязычной лексики по классам. Так, распределение по грамматическим классам около 500 заимствованных слов из русского, арабского, персидского, тюркских и других языков дают следующие проценты: из рассмотренных заимствований 50% относятся к III классу й-й, около 35% — к V классу д-д, 10% — к VI классу б-д, около 5% — к IV классу б-б.

Подавляющее большинство заимствований (особенно новые заимствования из русского языка) относятся к III классу й-й:

а) из русского языка: парти, милици, колони, кампани, делегаци, самар;

б) из грузинского языка: дзебар «лейка», калб «обувь», гуота «плуг», куотам «курица»;

в) из арабского и персидского языков: майда «площадь», риема «табун», шинар «минарет», товха «горская печь»;

г) из тюркских языков: кхāба «макитра», чакхарма «верста», гIу «колодец», юрт «село», мāча «обувь».

Много слов относятся и к V классу д-д:

а) заимствования из грузинского языка: лом «лев», куьйра «ястреб», цицигг «кошка», бо «сирота»;

б) заимствования из арабского и персидского языков: Iадат «адат», зип «шерсть», гIалат «ошибка»;

в) заимствования из тюркских языков: чоьлпа «шумовка», алапа «зарплата», инг. пела «стакан».

К VI классу б-д относится довольно ограниченный слой лексики, главным образом, заимствования из грузинского и восточных языков, например:

а) заимствования из грузинского языка: дума «курдюк», хуах «лук», инг., кIундзал «парша»;

б) заимствования из арабского и персидского языков: палс «палас», кад «чашка», миндар «подушечка», назбар «подушка», чиркх «коптилка»;

в) заимствования из тюркских языков: гIуркх «жердь», айгIар «жеребец», инг. буртиг «зерно».

И наконец к IV классу б-б относится довольно незначительный процент заимствований из грузинского и восточных языков: морзах «щипцы», чилла «шелк», басм «ситец», инг. геж «кокон», балоз «воск». Ингушские слова, параллельные вышеприведенным чеченским, оформляются в других грамматических классах: морзагIа б-‖д-, чилл б-‖д, бастам д-‖-д, боалаз б-‖д-.

3. Заимствованная лексика в нахских языках, подобно исконной, распределяется по грамматическим классам неравномерно.

**С. М. Джамирзаев** (Грозный)

## ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

(По данным некоторых говоров)

1. Особенности распределения имен существительных в диалектах и некоторых говорах чеченского языка отмечены в специальной литературе, где выделены слова, расходящиеся с плоскостным диалектом, лежащим в основе литературного языка. Мы делаем попытку исследовать особенности распределения имен существительных по грамматическим классам в ножай-юртовском говоре плоскостного диалекта чеченского литературного языка. Нами анализируется материал перераспределения имен существительных в говорах сел Зандак-Ара (Ножай-Юртовский район) и Шали (Шалинский район) в сравнении с материалами А. Мациева (Чеченско-русский словарь, М., 1961), отмечаем также особенности распределения имен существительных, которые встречаются в труде П. К. Услара (Чеченский язык, Тифлис, 1888).

2. Перераспределение имен существительных по грамматическим классам встречается в классе вещей, что связано с дальнейшим осложнением системы грамматических классов в позднейший период развития языка.

3. В чеченском языке ныне мы имеем сложную картину распределения имен по грамматическим классам:

а) в единственном числе представлено четыре грамматических класса, а при соотношении показателя единственного и множественного чисел получаются разные группы: в плоскостном диалекте — шесть, в речи села Зандак-Ара и в аккинском диалекте — семь групп и т. д.;

б) в ряде диалектов и говоров чеченского языка имеет место перераспределение субстантивов;

в) для отнесения имен существительных к тому или иному грамматическому классу значение имеет также распределение заимствованных (в разные эпохи) слов.

**Ф. Г. Оздоева** (Грозный)

## ПРОЯВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО КЛАССА В СЛУЖЕБНЫХ СЛОВАХ (ПОСЛЕЛОГАХ, СОЮЗАХ И ЧАСТИЦАХ) В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

1. В нахских языках, как правило, грамматические классы проявляются в служебных словах, восходящих к классным знаменательным словам (именам, глаголам, глагольным формам) типа: чеч. дуьхьа, инг. духьа‖йухьа, бацб. йухь «для», «ради», «за», чеч.-инг. дуьхьал‖духьал «против», «напротив», духьхьал «только», «лишь» и др.

2. Наблюдаются случаи расхождения в проявлении грамматических классов в ингушском, чеченском языках и диалектах и бацбийском языке, ср.: чеч.-инг. союз-частицу **ва-** «и», «а» и бацб. **ба**; чеч.-инг. частицу **варий‖варие** и бацб. **гаре.**

3. В служебных словах выделяются рудиментарные классные показатели, например, чеч. бие, кист, мие, чеберл. -мие, бацб. беде‖беден «только», «лишь», инг. диехьа, чеч. даьхьа «на той стороне», инг. сиехьа, чеч. саьхьа «на этой стороне» (ср. дIа — схьа‖са — «туда-сюда»).

4. Значительный интерес представляют грамматические классы, встречающиеся в служебных словах типа муо (из диалектов чеч. языка функционирует в мелхинском в форме мие) «подобный, «такой», образованный от частицы ма и классного глагола-связки ду (в, й, б) «есть» (ср. чеч. мавву, мадду, маййу, маббу), инг. мад. май‖мий «уж» и др.

5. Показатели грамматических классов в служебных словах согласованы с именами, выступающими в одних случаях в виде префиксов, в других — в виде суффиксов.

**А. Д. Тимаев** (Грозный)

## ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ПО ГРАММАТИЧЕСКИМ КЛАССАМ И ПУТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Имена существительные в нахских языках разделены на несколько семантических групп, называемых грамматическими классами. В диалектах и говорах нахских языков количество грамматических классов, определяемых по соотношению показателей единственного и множественного чисел, колеблется от шести до десяти. В I и во II гр. кл. включаются исключительно имена, обозначающие человека (личность): I гр. кл. — лица мужского пола, II гр. кл. — лица женского пола. Показатель I гр. кл. в ед. ч. — **в**, показатель II гр. кл. — **й**. Для мн. ч. показателем I и II гр. кл. во всех диалектах и говорах чеченского языка, а также в ингушском языке используется один из показателей класса вещей **б** (в бацб. языке **б** — показатель мн. ч. для I гр. кл.; **д** — показатель мн. ч. для II гр. кл.). Примеры: чеч., инг. дā в-у «отец есть», дай б-у «отцы есть»; бацб. дад в-а, дади б-а; чеч., инг. сиēсаг й-у «жена есть», сиēсагаш (инг. истий) б-у «жены есть»; бацб. пстIумн й-а, пстIей д-а. Целый ряд имен, обозначающих членов общества (личность), в нахских языках включается не в I или II гр. кл., а в IV гр. кл. (кл. д-д). Нр. бер. (бацб. бадер) «дитя», «ребенок», буо «сирота». Причиной использования для подобных имен показателей д-д является тот факт, что в них нет указания на принадлежность к определенному полу. В бацб. яз. в гр. кл. д-д включаются такие слова, как хьашо «гость», накъбистI «товарищ», мастхов «враг», если они выражают общее значение и не конкретизирован пол. В чеч. и инг. яз. подобные имена включаются в I гр. кл., если выражают общее значение без указания на конкретный пол. В том случае, если подразумевается определенный пол, то такие имена включаются соответственно либо в I гр. кл., либо во II гр. кл. Как выражающие общее значение, в гр. кл. д-д в бацб. языке включаются и слова, заимствованные из грузинского языка и обозначающие членов общества, напр.: мацне (груз. мацне) — «посол, посланник», муштIар (груз. муштари) — «покупатель, покупательница» и др.

2. Имена существительные, обозначающие членов общества (личности) и указывающие на местожительство, а также на профессию, национальную принадлежность, включаются в I или во II гр. кл. в зависимости от подразумеваемого пола, если же такие имена выражают общее значение без конкретизации пола, они включаются в I гр. кл.: хьиēхархуō в-у «учитель есть», хьиехархуō й-у «учительница есть», но хьиехархуō в-у «учитель» (вообще). Общему правилу определения грамматического класса подчиняются и слова, заимствованные из русского языка и обозначающие членов общества по профессии: инженер в-у (й-у), агроном в-у (й-у), профессор в-у (й-у). Имена категории вещей распределяются по грамматическим классам неравномерно, что является отражением живого процесса развития системы грамматических классов.

3. Современная многоклассовая система (до десяти в чеберлойском и шаройском диалектах) есть результат длительных и сложных процессов внутри самой системы, в основе которой на раннем этапе лежала двухклассная система (А. Чикобава): класс человека — класс вещей. Класс вещей первоначально представлен показателем **д**. В дальнейшем в категории вещей формируется класс **б**. На следующем этапе из класса **д** и класса **б** выделился третий класс вещей — класс **й**, который стал затем использоваться и для II гр. кл. человека — класса женщин. Дифференциация класса человека на класс мужчин и класс женщин происходит после формирования III гр. кл. (А. Чикобава).

4. Дальнейший процесс развития и осложнения системы грамматических классов в нахских языках идет за счет тенденции к дифференциации показателей единственного и множественного чисел. Данный процесс легко прослеживается при сопоставлении данных нахских языков и диалектов. Как правило, дифференциация происходит путем замены показателя мн. ч. и очень редко — показателя ед. ч.

**К. З. Чокаев** (Грозный)

## НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО КЛАССА В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Категория грамматического класса в нахских языках выражена главным образом в глаголе (см. чеч., инг. **в**аха, **й**аха, **д**аха, **б**аха «идти» и др.). Однако не все глаголы нахских языков изменяются по грамматическим классам. Таковы глаголы: чеч., инг. эца «взять», мала «пить», хьажа «посмотреть» и т. д.

2. Из именных частей речи по грамматическим классам изменяются лишь отдельные прилагательные и числительные (см. чеч., инг. веза, деза, беза, йеза «тяжелый», виъ, диъ, биъ, йиъ «четыре» и пр.).

3. Признаки бытования данной категории в прошлом у имен существительных прослеживаются в виде рудиментов в структуре отдельных слов (см. чеч., инг. воI «сын», йоI «дочь‖девочка»).

4. Примечательны случаи «оживления» классных рудиментов в структуре имен существительных при переходе их в глагол путем конверсии: чеч., инг. буц «трава», но: баца, ваца, даца, йаца «трудиться на кого-то», «пасти (кого-то)».

Последние примеры отражают скотоводческий образ жизни нахов в прошлом, когда в хозяйстве главным занятием считалось выпас скота.

5. Наблюдаются и случаи окаменения классных экспонентов при превращении глагола в имя существительное: см. чеч., инг. декха, бекха, векха, йекха «отомстить», но бекхам «мщение» и др.



**Б. А. Шавхелишвили** (Москва)

## К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ТЕРМИНАХ РОДСТВА

### (На материале нахских языков)

1. Системный анализ функционирования начальных элементов в составе таких терминов кровного родства, как чеч. ваше, инг. воша, бацб. вашо; чеч. йиша, инг. йоша, бацб. йашо; чеч. воI, инг. воI, бацб. вохь; чеч. йоI, инг. йиIиг, бацб. йохь (брат, сестра, сын, дочь) показывает, что они представляют собой функционировавшие в историческом прошлом показатели категории грамматического класса **в**, **й** (**в**-аша, **й**-иша). Исторически они выделялись как префиксы, противополагающиеся друг другу, но ныне они не являются продуктивными в рассматриваемых терминах родства и воспринимаются как окаменелые, т. е. грамматически неразложимые:

чеч. ед. ч. *в-аша «брат» мн. ч. *в-ежарий «братья»
*й-иша «сестра» *й-ижарий «сестры»

Невозможность рассмотрения указанных элементов как функционирующих классных показателей обусловлена не только необходимостью анализа основ (корней) этих терминов, как морфологически неразложимых, но и соображениями семантического характера.

Нельзя ставить на одну плоскость, например, изменение по грамматическим классам качественного прилагательного и глагола-связки, с одной стороны, и того же процесса в рассматриваемых именных основах, с другой:

чеч. **в**-оккха стаг **в**-у досл. «старый человек есть»,
**в**-аша **в**-у досл. «брат есть»,
инг. **в**-оккха стаг **в**-а, досл. «старый человек есть»,
**в**-оша **в**-а, досл. «брат есть»,
бацб. **в**-оккхон стIакI **в**-а, досл. «старый человек есть»,
**в**-ашо **в**-а, досл. «брат есть»,
чеч. **й**-окха зуда **й**-у «старая женщина есть»,
**й**-иша **й**-у «сестра есть»,
инг. **й**-оккха сиесаг **й**-а, досл. «старая женщина есть»,
**й**-оша **й**-а «сестра есть»,
бацб. **й**-аккхо пстIуйно **й**-а «старая женщина есть»,
**й**-ашо **й**-а «сестра есть»,
чеч. **д**-оккха цицциг **д**-у «старая кошка есть»,
инг. **д**-оккха циск **д**-а «старая кошка есть»,
бацб. **д**-аккхо кIуйтI-**д**-а «старая кошка есть».

К основе -аша (-иша) ашо не могут быть присоединены показатели категории грамматических классов **д** и **б**.

Относительно исторической интерпретации анализируемых элементов и структур основы -аша, (-иша), -ашо, можно предположить, что она имела более широкое значение и была нейтральна по отношению к грамматическим классам, как основы классных глаголов и качественных прилагательных в современных нахских языках.

2. Как это принято считать в литературе, начальный элемент **п/б** бацбийского слова **п**-стIуйно ← **б**-стуйно «жена», «женщина» представляет собой окаменелый классный показатель. Не исключена возможность, что корневая морфема этого слова **стI**... (ср. чеч. **стиен.**, инг., **сие**... особь женского пола) обозначала понятие женского пола вообще.

**А. А. Магометов** (Тбилиси)

## ОБ ЭВОЛЮЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

(По диалектным данным)

1. Общая тенденция сокращения числа грамматических классов, свойственная дагестанским языкам, характерна и для даргинского языка, где четыре грам. класса ныне в основном сведены к трем: в литературном даргинском языке (‖resp. акушин. диалекте), в диалектах: урахинском, цудахарском, хайдакском, кубачинском...

2. Четыре грамматических класса сохранились в одном из диалектов даргинского языка — мегебском. Находясь в отрыве от основных диалектов даргинского языка и в окружении аварской речи, речь аула Мегеб приобрела характер диалекта, сохранив ряд архаических черт.

В данном диалекте д е в у ш к а вместе с соотнесенными к ней словами по классному показателю в префиксе в форме единственного числа выделяется в самостоятельный грам. класс, отличный от грам. класса женщины.

3. Мегебская четырехклассная система грам. классов составляет более простую систему, создаваемую показателями грам. классов един. числа и показателями множ. числа. Такая система аналогична системе грам. классов вообще дагестанских языков (лак. яз., авар. яз., андийские яз., лезгинские **языки...**).



Для других даргинских диалектов характерна более сложная система грам. классов, при которой во множ. числе показатели I и II грам. классов, — т. е. показатели категории человека, — в 1 и 2 лице отличаются от показателей грам. классов в 3 лице.

Эта характерная особенность в эволюции грам. классов, отличает даргинскую систему грам. классов от других дагестанских языков.

4. Последовательность изменения экспонентов II грам. класса — исторически экспонентов IV грам. класса — в диалектах даргинского языка: d→r→j.

Суффиксальный экспонент грам. класса претерпевает изменение раньше префиксального экспонента. Само изменение экспонента II грам. класса получило по диалектам неодинаковое развитие, что приводит к значительным диалектным различиям в системе грам. классов даргинского языка.

5. Наличие направительного преверба в глаголах кубачинского диалекта может вызвать фонетические процессы, в результате которых корреляция I и II грам. классов в един. числе происходит не по экспонентам грам. классов, а по гласному основы:

kižij (←k-aw-ižij←ka-wižij) „сесть“ s—I кл.

kēžij (←k-aj-žij←ka-jižij) s—II кл.

ká-bžij (←ka-bižij) s—III кл. ед. ч. или 3 л. мн. ч. I-II кл.

ká-ṫəižij (←ka-dižij) s—мн. ч. (1, 2 л.—I, II, III кл. 3 л.—III кл.)

Ср. соответствующие формы в цудах. диалекте:

kà-jžiz (← ka-ižiz←ka-wižiz „сесть“ s—I кл.

ka-rižiz s—II кл.

ka-bižiz s—III кл. ед. ч. или 3 л. мн. ч. I, II кл.

ka-dižiz s—мн. ч. (1, 2 л.—I, II, III кл., Зл.—III кл.)

6. Система грам. классов мегебского диалекта может быть выражена в виде следующей схемы:

| | I кл. | II кл. | III кл. | IV кл. |
|---|---|---|---|---|
| ед. ч. | w, ∅ | r | b | d- -r |
| мн. ч. | b | b | d- -r | b |

Система грам. классов других даргинских диалектов:

| | I кл. | II кл. | III кл. |
|---|---|---|---|
| ед. ч. | w (‖→j), ⦰ | d- -r\|r\|j | b |
| мн. ч. | 1, 2 л. d\|d- -r | d\| d- -r | d\|d- -r |
| | 3 л. b | b | d\|d- -r |

Четырехклассная система грам. классов мегебского диалекта в принципе стоит ближе к аналогичной четырехклассной системе лакского языка, чем к системе грам. классов других диалектов самого даргинского языка.

**З. М. Магомедбекова** (Тбилиси)

## СИСТЕМА ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ЧАМАЛИНСКОМ И ТИНДИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

1. Как известно, в большинстве андийских языков имена делятся в единственном числе на три грамматических класса: I класс — **w-** (мужчины), II класс — **j-** (женщины), III класс — все остальные. Во множественном числе различается два класса: класс людей — показатель **b-** и класс вещей — показатель — **r-**.

2. В тиндийском языке ныне различается в единственном числе три класса, во множественном — два.

Исторически в тиндийском имена группировались по пяти классам: I кл. — **w-**, II кл. — **j-**, III кл. — **b-**, IV кл. — **r-** и V кл. — **j-**. Показатели IV и V классов сохранились в окаменелом виде. Показатель V класса — **j-** (который не надо смешивать с показателем II класса), утратив свою первоначальную функцию, придает словам оттенок уменьшительности и ласкательности (Т. Гудава).

3. В чамалинском языке деление имен по пяти грамматическим классам продуктивно: I кл. — **w-** (мужчины), II кл.— **j-** (женщины). Все остальные имена распределяются по трем классам вещей: III кл. — **b-**, IV кл. — **r-**, V кл — **j-**. Во множественном числе различаются два класса: класс людей — **b-**, класс вещей — **r-**.

4. Формальные границы, благодаря классным показателям, сохраняются, и имена распределяются по пяти классам.

При распределении имен по классам вещей имеет значение ценность предмета в хозяйственной деятельности, в общественной и духовной жизни, частота употребляемости. Семантические принципы, которые исторически, надо полагать, были очерчены и ясны, и в чамалинском языке постепенно разрушаются.

5. Самым многочисленным является III класс, потом — IV и самый малочисленный V класс.

В III класс входят названия домашних и диких животных, насекомых; названия зерновых, основные пищевые продукты и некоторая домашняя утварь; названия металлов.

Сюда же относятся: «родина», «государство», «свет», «тьма», «голод», «богатство», «бедность», «война», «мир», «совесть», «вражда», «ум»..., «душа», «дыхание», «смерть»..., «луна», «солнце», «звезды»..., «хутор», «площадь»..., «пила», «уздечка», «арба», «грабли», «крюк», «нож», игла», «веретено», «лом», «бревно»..., «дом», «хлев», «овин», «двор», «мечеть», «крыша», «потолок»...

В IV класс входят наименования фруктов и ягод, названия всякого рода украшений. Далее такие имена как: «ночь», «море», «небо», «год», «вода», «река», «потолок», «дождь», «роса», «иней»..., «шило», «мотыга», «седло», «плуг»..., «стена», «балкон»..., «ключ», «ясли», «ножницы», «скребок», «топор»..., «поле», «земля», «глина», «песок», «гравий»..., «платок», «овчина», «кожанные штаны», «пояс»..., «хвост», «кишка», «голова», «лицо», «живот»..., «шерсть», «масло», «сметана»...

В V класс входят названия времен года: «весна», «лето», «осень», «зима»... Далее такие имена как: «колесо», «круг», «обруч», «сито», «попона», «кремень», «уголь», «сажа», «зола», «дым», «зернышко», «лист», «цепь», «слеза», «сон»..., «лоб», «губы», «локоть», «щека», «подбородок»..., «пуговица», «платье», «трямка для седла», «веник»..., «фасоль», «бобы», «сыр», «молоко», «сычуг»..., «ущелье», «камень», «мост»..., «узел», «пуля», «каток на крыше»...

6. Заимствованные слова распределяются следующим образом: в III класс входят: «съезд», «пленум», «конференция», «колхоз», «райком», «исполком», «самолет», «вертолет», «кровать», «швейная машина»..., «помидор», «капуста»...

В IV класс: «ракета», «шахматы», «шашки», «очки», «вино», «пиво», «лимонад», «туфли», «сапоги»...

В V класс: «кепка», «фуражка», «лыжи», «сани»...

7. В чамалинском языке тенденция к сокращению грамматических классов — процесс продолжающийся. Несмотря

на то, что имена четко группируются по трем классам вещей, семантические критерии не выдерживаются. Представители старшего поколения относят имена по классам без особых колебаний, у молодых же часто можно встретить смешение. Особенно смешиваются имена III и IV классов.

**У. А. Мейланова, Б. Б. Талибов**
(Махачкала)

## ДИНАМИКА ЗАТУХАНИЯ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. С точки зрения функционирования категории грамматических классов лезгинские языки группируются на: а) языки, где эта категория является живой нормой; б) языки, в которых категория грамматического класса перестала функционировать, застыла. К первым относятся табасаранский, рутульский, цахурский, будухский, крызский, хиналугский и арчинский, ко вторым — лезгинский, агульский, удинский.

2. Первая группа характеризуется наличием в их ряду языков от двухклассных систем до четырехклассных. Там, где представлена двухклассная система, семасиологически противопоставляются имена существительные, обозначающие человека, именам, обозначающим все остальное. Отсюда естественно то положение, с которым мы сталкиваемся в двухклассном табасаранском языке, где к первому классу относятся наименования всех разумных существ, а ко второму классу — названия всех неразумных существ и предметов (Л. И. Жирков, А. А. Магометов, К. Т. Шалбузов).

Этот принцип классификации остается в силе и в том случае, если в языке представлено более двух грамматических классов, при этом как в категории личности, так и в категории вещи происходит дифференциация: в одном случае на первый и второй классы, в другом — на третий и четвертый (А. М. Дирр, Ю. Д. Дешериев, Е. Ф. Джейранишвили, Ш. М. Саадиев, К. Ш. Микаилов).

3. Языки второй группы — бесклассные языки — также являлись классными, но в ходе исторического развития категория класса там совершенно затухла, о чем свидетельствуют пережиточно сохранившиеся многочисленные факты (Л. И. Жирков, Р. М. Шаумян, М. М. Гаджиев, Е. Ф. Джейранишвили, А. А. Магометов и др.).



4. На современном этапе развития лезгинских языков в классных языках идет заметный процесс разрушения этой системы. Наглядно, отчетливо это проявляется в табасаранском языке, южный диалект которого, территориально соприкасающийся с лезгинским языком, почти утратил классное согласование, что можно показать на примере глаголов южного диалекта, в частности глагола ка-р-хь-уз «зажечь», где инлаутный **-р-** характеризуется как омертвелый классный показатель. Ср. в северном диалекте: ка-в-хь-ус, ка-р-хь-ус, ка-хь-ус в том же значении. Аналогичное явление в широком масштабе имеет место также в будухском, крызском и др. языках.

5. Тенденция ослабления с последующей деградацией категории грамматических классов в языке вполне естественна, так как развитие отвлеченного мышления и последующего языкового абстрагирования, как справедливо отмечается в специальной литературе, ведет к постепенному исчезновению конкретных грамматических категорий, в частности, и категории грамматических классов.

**И. И. Церцвадзе** (Тбилиси)

## МОДИФИКАЦИИ СИСТЕМЫ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ГОВОРАХ АНДИЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Система грамматических классов в говорах андийского языка неодинакова. В более древнем виде она сохранена в верхнеандийских говорах, различающих в ед. числе четыре класса: I мужчин (с показателем v), II женщин (j), III животных и вещей (b) и IV вещей (r). При сопоставлении классных показателей ед. и мн. чисел количество грам. классов больше (пять, в рикванинском говоре — шесть. — Я. Г. Сулейманов).

2. В нижнеандийских говорах грамматических классов меньше: в кванхидатльском говоре — три класса: I мужчин (v), II женщин (j) и III вещей (b).

А в другом говоре той же группы, в мунибском говоре, различаются вышеназванные три класса только при префиксации классных показателей, а при суффиксации различаются лишь два класса: I человека (с показателем j) и II вещей (с показателем v ← b); ср.:

| а) при префиксации | | б) при суффиксации | |
|---|---|---|---|
| I v—(мужчины) | } | I—j | (человек) |
| II j—(женщины) | | | |
| III b—(вещи) | | II—v←b | (вещи) |

3. Особенности суффиксации классных показателей в мунибском говоре (слияние двух классов мужчин и женщин в один класс — класс человека с общим показателем класса женщин **j**, наличие в качестве показателя класса вещей **v** вместо **b**) имеют фонетическую основу.

По фонетическим нормам данного говора суффиксальный показатель III класса **b** замещается рефлексом **v**, что могло бы вызвать полное совпадение III и I классов, но во избежание этого I кл. использует вместо своего показателя (v) показатель II кл. (j). Язык (говор) избегает смешения грамматических классов мужчин и вещей, но допускает слияние грамматических классов мужчин и женщин.

4. Отмеченный факт модификации системы грамматических классов в говоре андийского языка находит принципиальную аналогию в табасаранском языке, в котором в процессе угасания (сокращения и утраты) грамматических классов различается ныне лишь два грамматических класса: человека и вещей (А. А. Магометов). При этом в качестве показателей категории человека использованы показатели бывшего класса женщин, являющиеся по происхождению показателями класса вещей (А. С. Чикобава, Г. В. Рогава).

Различие в данном случае в том, что противопоставление означенных двух категорий (человека и вещей) в говоре андийского языка наблюдается в определенных условиях (при суффиксации классных показателей), а в табасаранском оно распространяется на всю систему языка.

**С. М. Хайдаков** (Москва)

## КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ - НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ КЛАССОВ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Распределение имен существительных по лексическим классам в дагестанских языках подчинено (вернее было подчинено) одному общему и вполне логическому принципу — принципу противопоставления по классу названий денотатов людей названиям денотатов вещей. Этот принцип, надо полагать, был унаследован современными языками от прадагестанского языкового состояния. В зависимости от функциональной природы грамматического числа имен существительных упомянутый выше принцип противопоставления классов в рамках категории «личности-неличности» реализуется по-разному — дробно в единственном числе, контактно, укрупненно во множественном числе. Эталоном такого распределения названий, относящихся к разным лексико-семантическим полям, является шестичленная система лексических классов, в которой все названия денотатов в единственном числе распределены между четырьмя классами, а во множественном числе — между двумя классами. Такая система и поныне функционирует в некоторых дагестанских языках. В этой системе двум классам названий людей (ср. арч. **уштту в-и** ‘брат есть‘, **дошдур д-и** ‘сестра есть‘) обычно противопоставляется два класса названий вещей: **анс б-и** ‘бык есть‘ (III кл.), **тура и** ‘папаха есть‘ (IV кл.). Во множественном числе обычно имеется два класса, часто укрупненных — класс названий личности (**ошоб б-и** ‘братья суть‘, **дошрул б-и** ‘сестры суть‘) и класс названий неличности: **уксур и** ‘быки суть‘, **туратту и** ‘папахи суть‘.

Шестичленная система лексических классов во всех своих звеньях является гармонической и симметрической и, следовательно, логичной. В некоторых языках эта система подверглась более или менее сильной модификации и формализации.

Отход от первоначального эталона классификации имен существительных в разных языках происходил по-разному. Наиболее слабыми звеньями в этой системе, очевидно, являются класс названий женщин и IV класс. В цезском языке, например, хотя сохранилась шестичленная классная система, во множественном числе нет класса названий личности, названия женщин включены в согласовательную схему класса неличности: ср. **игу ужи** ‘хороший сын‘, **й-игу кид** ‘хорошая дочь‘, **б-игу гулу** ‘хорошая лошадь‘, **р-игу къим** ‘хорошая голова‘; **б-игу ужиби** ‘хорошие сыновья‘, **р-игу кидбади, гулуби, къимреби** ‘хорошие дочери, лошади, головы‘.

В крызском языке, наоборот, в единственном числе названия женщин включены в III класс; во множественном все названия людей образуют один гомогенный класс, который противостоит классу названий вещей.

В части авароандийских языков классификационная форма с экспонентом **р**, обычно обслуживающая IV класс, сузила свою функцию — она стала формой выражения только класса названий неличности во множественном числе.

Все эти изменения, происшедшие в конфигурации лексических классов, как правило, не выходят за рамки категории личности-неличности и наличие укрупненных классов во множественном числе скорее является правилом, чем исключением. Во многих дагестанских языках они обслуживаются классификационными формами, содержащими экспоненты **б, п, п/** (кл. личности), **р, д, т, тI** (кл. неличности).

2. Очевидно, на определенном этапе развития некоторых авароандийских языков, в частности, собственно андийского и ботлихского, формирование системы лексических классов во множественном числе происходило на совершенно иной основе — на основе категории одушевленности-неодушевленности.

Система лексических классов рекванинского говора верхнеандийского диалекта, очевидно, является переходным этапом.

Гипотетически, весьма условно можно предложить, что более логически совершенной шестичленной системе предшествовала менее совершенная в этом плане система, в которой классы не дифференцировались по грамматическим числам и как следствие этого не было укрупненных классов (как, например, в диалектах собственного андийского языка). Система лексических классов ботлихского языка в этой связи следует рассматривать как промежуточное звено между собственно андийским языком и остальными языками авароандийской группы, возможно и другими дагестанскими языками.



**И. Х. Абдуллаев** (Махачкала)

# К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ И СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Среди грамматических форм и значений, структурные особенности которых обусловлены системой грам. классов, выделяется склонение имен. В ряде дагестанских языков (аварский, андийские...) категория грам. классов при склонении имен находит как материальное (с помощью классных формантов), так семасиологическое (при образовании косвенной основы) выражение. Эти особенности характерны не только для атрибутивных имен, но и для болъшого числа имен существительных.

2. В современном лакском языке категорией грамматических классов обусловлено образование «второй» основы лишь у «атрибутивных» имен — указат. мест., прилагат., причастия, числит., ср. **та** «тот», «та», «то», род. п.: **та-на-л** (I кл.), **та-ни-л** (II—IV кл.). При склонении имен существительных категория грамматических классов не находит систематического отражения.

Имена существительные в лакском языке склоняются (за некоторыми исключениями) по принципу «двух основ». При образовании косвенной основы между формой им. п. и падежными аффиксами появляются т. н. «вставки» (суффиксы-распространения основы), являющиеся специальными формантами основы косвенных падежей: **-на-, -ни-, -ну-, -ли-, -лу-, -ра-, -ри-, -ру-, -ду-, -тту-, -тти-, -ира-, -дану-, -дара-** и др.

Сложный характер лакского склонения обусловлен наличием большого числа таких элементов, но это большое количество не может быть объяснено делением имен по грамматическим классам.

3. Учет фонетических, морфологических и диалектных особенностей позволяет рассматривать большинство названных элементов в качестве алломорфов, возвести их к небольшому числу и в качестве исходных, первичных выделить **-на-, -ни-** и **-дГ-** (и его вариант **-рV-**).

В лакском языке исторически выделяется два типа склонения:

1) атрибутивное (тип склонения указательного местоимения) — с формантами косвенной основы **-на-** (I кл.), **-ни-** (II—IV кл.), по этому типу склонялись не только «атрибутивные» имена, но и часть существительных; ср. арс «сын»— арс-**на**-л, но душ «дочь» — душ-**ни**-л;

2) субстантивное — с формантом косвенной основы **-дV-** (**-рV-**).

4. Суффиксы-распространения первоначально выступали в качестве форманта былого эргатива, функции которого стал выполнять родительный падеж (А. С. Чикобава). Эти элементы образовывали эргативный падеж (resp. косвенную основу) сообразно с отнесенностью имен к тому или иному классу. Усложнение системы лакского склонения, появление большого числа «вставок», нейтрализация классного характера принципов образования косвенной основы у имен существительных объясняется смешением в процессе развития языка названных типов склонения, фонетическими процессами и диалектными особенностями.

5. Для лакского языка (за исключением балхарского диалекта) не характерны местные падежи, образуемые при посредстве классных показателей. Однако в прошлом и в лакском языке имелся классный локатив-инессив, образованный от прямой основы при посредстве классных формантов (ппал-а-**в**, ппал-а-**б**, ппал-а-**р** «в хлеву», ср. авар. бокь-о-**в**, бокь-о-**б**, бокь-о-**й** id). Впоследствии одна из форм (с **-в**) стала употребляться в обобщенном значении.

Классный инессив прослеживается и в лакской топонимии (*ДучIи-**в**, *ДучIи-**б**, *ДучIи-**р** вместо соврем. общей формы ДучIив «в с. Дучи»), ср. авар. Гъуни-**в**, Гъуни-**б**, Гъуни-**й** «в Гунибе». Данный факт показывает близость системы лакской топонимии к соответствующим системам других дагестанских языков, в частности аварского языка.

6. Историко-сравнительный анализ системы лакского склонения показывает, что она во многом была аналогична системе склонения в аварском и андийских языках (косвенные основы образовывались при посредстве соединительных гласных, «вставок» — формантов эргатива и аблаута); образование второй основы у атрибутивных имен и части существительных было обусловлено распределением имен по грамматическим классам, а среди местных падежей был и классный инессив.

7. Изучение истории взаимоотношений системы склонения и категории грамматических классов в лакском языке подтверждает прослеживаемую и в других иберийско-кавказских языках тенденцию разрушения системы категории грам. классов, переход «классных» грамматических форм в «неклассные», нейтрализация в классном отношении грамматических форм и значений, обусловленных системой грамматических классов.

**М. А. Алипулатов** (Махачкала)

## К ВОПРОСУ О ПОКАЗАТЕЛЯХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ЯЗЫКАХ ЛЕЗГИНСКОЙ ГРУППЫ

1. Атрибутивные имена (прилагательное, числительное, причастие, некоторые разряды местоимений) и глагол, за исключением лезгинского, агульского, удинского, в языках лезгинской группы сохранили категорию грамматического класса.



2. Показатели грамматических классов прилагательных выполняют две функции:

а) функцию семасиологического определения субстантива (мужчина, женщина, животное, вещь);

б) функцию субстантивации (превращение атрибутивных имен в субстантивы по семасиологическому принципу посредством соответствующих классных показателей).

3. По морфемному составу и размещению классных показателей лезгинские языки можно классифицировать следующим образом:

а) табасаранский язык сохранил классные показатели лишь в двух качественных прилагательных: ужур «хороший», уччвур «красивый». Другие же разряды прилагательных различают грамматические классы в предикативной функции (будучи именной частью составного сказуемого);

б) рутульский и цахурский языки в именах прилагательных различают грамматические классы как в единственном, так и во множественном числе:

**Рутульский язык**

Единственное число

I кл. — нулевой показатель: кикад шу «порядочный брат»,
II кл. — ки-**ри**-кад рыши «порядочная сестра,
III кл. — ки-**ви**-кад чIабал «порядочная сестра»,
IV кл. — нулевой показатель: кикад хесым «порядочное лицо».

Множественное число

I, II кл. — ки-**ди**-кад инсанар «порядочные люди»,
III, IV кл. — нулевой показатель: кикад карбыр «подходящие вещи».

**Цахурский язык**

Единственное число

I кл. — хъи-**р**-гъырна адами «замерзший мужчина»,
II кл. — хъи-**р**-гъырна зафе «замерзшая женщина»,
III кл. — хъи-**б**-гъырна гьайван «замерзшее животное»,
IV кл. — хъи-**д**-гъырна баруг «мерзлая стена».

Множественное число

I, II кл. — хъи-**б**-гъырйин адамиер, йедар «замерзшие мужчины, женщины»,

III, IV кл. — хъи-**д**-гъыйрин гьайванар, къаеби «мерзлые животные, камни».

4. Исследователи лезгинского и агульского языков (А. Н. Генко, Л. И. Жирков, М. М. Гаджиев, У. А. Мейланова, А. А. Магометов, Б. Б. Талибов и др.) в качестве окаменелых классных показателей в именах прилагательных выделяют их субстантивирующие элементы: **ди** — для единственного числа, **бур** — для множественного. Автор этих строк частично разделяет их мнение.

5. Классные показатели в атрибутивных именах, в том числе и в прилагательных, выполняют роль субъектно-объектного согласования субстантива с глаголом.

**А. М. Асланов** (Кировабад)

## СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ ПО ГРАММАТИЧЕСКИМ КЛАССАМ

(По данным горских иберийско-кавказских языков Азербайджана)

1. Процесс распределения заимствованных слов по грамматическим классам происходит во всех иберийско-кавказских языках, в которых имеется данная категория. Основным принципом распределения является семантическая аналогия. Например в будухском: **духтур** «доктор (мужчина)», **пиркуруф** «прокурор» I кл., **систра** «медсестра» II кл., **кулак** «ветер» III кл., **китап** «книга», **завут** «завод» IV кл., в крызском: **аьдаьми** «человек (мужчина)», **тырахтырчи** «тракторист» I кл., **мамачи** а«кушерка», **маьлимаь** «учительница», **катибаь** «секретарша» II кл., **джанавар** «волк», **туьлки** «лиса», **сумкIа** «сумка» III кл., **хьургъун** «фургон» IV кл., в цахурском: **дайиссий** «дядя по матери», **эсгер** «солдат» I кл., **сагъыджий** «доярка» II кл., **чакьал** «шакал» III кл., **мактаб** «школа», **машын** «машина» IV кл.

2. Привлекает внимание своеобразность распределения заимствованных имен по грамматическим классам в закатальском диалекте аварского языка. По фонетической аналогии исконных форм: **цIакьов** «тесть», **цIакьей** «теща», **кьоролов** «вдовец», **кьоролай** «вдова», **дахма** «изба», **чиглаг** «земляника», которые оформляются классными показателями **-ов** (I кл.), **-эй||-ай** (II кл.) и нулевым аффиксом III класса, оформляются и заимствованные имена: **достов** «друг», **къуншийов** «сосед», **гурджийов** «грузин», **урусов** «русский», **эрменов** «армянин», **сагьибов** «хозяин» I кл., **нукарей** «рабыня», **хIакимей** «врач (женщина)», **достай** «подруга» II кл., **джейран** «газель», **аслан** «лев», **кагъар** «письмо» III кл.

3. Имеют место отклонения от общего принципа дифференциации имен по классам. В различных диалектах и говорах одного и того же языка одно и то же имя относится к разным классам. Например, **имтагьан** «экзамен», **дипло** «диплом», **чей** «чай» в калалинском говоре цахурского языка по семантической аналогии относят к IV классу — классу вещей, а в других говорах — к III классу — классу животных. **Аслан** «лев», **кахьвтар** «гиена», **доьв** «чудовище» в джекском и алыкском диалектах крызского языка относятся к IV, а в гаджигатамлинском — к III классу.

4. Новейшие заимствования типа **гитара, лунаход, спутникI, вал, кольцо, динамо, шасси, бензобак, тормоз, цистерна, рама** пока не закрепились ни в одном классе, вернее они занимают нейтральную позицию и стоят вне черты классовой дифференциации. По-видимому, мы имеем дело с признаками деградации системы грамматических классов, как это произошло в удинском и лезгинском языках.

**Г. Т. Бурчуладзе** (Тбилиси)

## РЕДУПЛИКАЦИЯ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Редупликация в лакском языке является одним из основных способов словоизменения глагола. Она может выражать в лакском языке учащательное действие глагола: в дюративных формах причастия и от них образованных формах каузатива при помощи глагола ān (b-, d-) «сделать»; в утвердительных формах настоящего времени и имперфектах, в некоторых обстоятельственных формах, а также императиве от дюративных форм.

2. Кроме этих случаев встречается и такая редупликация глагольных корневых морфем, когда удвоенная морфема (без морфем грамматических классов) противостоит исходной корневой морфеме, маркированной переменной морфемой грамматического класса. Например:

b-uq-an(d-) „стричь“—quq-in „резать“, „вырезать“.
b-uxə-in(d-) „победить“—xəuxə-in id...

3. Встречаются и такие случаи, когда у редуплицированных глаголов не сохранились в лакском языке соответствующие глаголы, маркированные классными морфемами, но они имеются в близкородственных языках. Например:

šəašəan „соткать“, „сплести“; ср. дарг. b-ušes, b-esəize анд. b-ešədu id... qaqan ‖ qvaqvan „высохнуть“; ср. дарг. b-ir, авар. b-aqvaze, анд. b-equdu, ботл. b-eqvaj id... šašan „сварить“, „свариться“; ср. дарг. b-ilx˘es, авар. b-el'ine, анд. b-il'inu, чамал. b-il'a, табас. u-r-x˘us, u-v-x˘us, агул. rüx˘es id...

4. В таких примерах редупликация является своеобразной компенсацией утери морфем грамматических классов: удвоение здесь функционально замещает утерянные морфемы и, поскольку, оно и морфологизовано.

5. Редупликация, как своеобразная компенсация утери морфем грамматических классов, в лакском языке вторична, результат определенных фонетических изменений. В частности:

В глаголах типа b-uqan(d-) «стричь» гласный, следовавший за морфемами грам. классов, синкопирован, вероятно, из-за непостоянного ударения, в результате чего в анлауте получилось стечение согласных, чуждое структуре лакского слога в начале слова. Суперация скопленных согласных, по-видимому, проходила за счет классных морфем, после чего корневые морфемы и редуплицировались. Схематично:

b-uq-an(d-) „стричь“ > *b-q an > *q-an > *quq-in „резать“, „вырезать“...

**Ф. А. Гайдарова** (Ленинград)

## О ФУНКЦИЯХ ДЕТЕРМИНАНТОВ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

1. В некоторых дагестанских языках, в частности в лакском языке, косвенная основа имени распространяется детерминантами.

Согласные , входящие в детерминанты, встречаются в современном лакском языке в качестве показателей грамматических классов. Основываясь на материале современного лакского языка, детерминанты можно разделить по грамматическим классам.

2. В существительных противопоставляется грамматический класс человека классу вещей, т. е. I грамматическому



классу соответствует детерминант **-на-**, II классу, в основном, соответствует детерминант **-ни-**, а остальным классам соответствуют различные детерминанты, причем, обилие детерминантов обусловлено их фонетическими изменениями.

Соответствие детерминантов определенным грамматическим классам более четко сохранилось при склонении субстантивированных прилагательных, числительных и некоторых местоимений.

В субстантивированных прилагательных, которые оканчиваются на **-сса**, появляется детерминант **-нна-**, если они относятся к I грамматическому классу, **-нну-**, если относятся ко II, III IV классам.

При склонении имен прилагательных во множественном числе в лакском языке противопоставляется класс человека классу вещей, т. е. сохранились рефлексы наличия в прошлом двух грамматических классов: человека и вещи, что было характерно для иберийско-кавказских языков. Во множественном числе прилагательные принимают детерминант **-нна-**, если прилагательные выражают имя человека (личности) и **-нну-**, если прилагательные выражают имена вещей, предметов.

При склонении субстантивированных числительных появляется после гласных детерминант **-нна-** для I класса, для всех остальных классов — **-нни-**; после согласных — детерминанты **-унна-** и **-унни-**.

В притяжательных местоимениях I класса встречается детерминант **-на-**, а в остальных классах **-ни-**.

4. Анализ детерминантов единственного числа, которые появляются в косвенных основах имен существительных, прилагательных, числительных и некоторых местоимений, дает основание предполагать, что они имели (и в настоящее время сохранили) функцию различения по грамматическим классам.

**В. М. Загиров** (Махачкала)

## К СПЕЦИФИКЕ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ ТАБАСАРАНСКОГО ЯЗЫКА

1. Система грамматических классов в современном табасаранском языке, как отмечают исследователи (Л. И. Жирков, А. А. Магометов, Б. Г.-К. Ханмагомедов и др.), является наиболее простой, в ней наличествуют два четко разграниченных друг от друга грамматических класса (класс человека и класс вещей).

2. Грамматический класс, который заложен в существительном как его характерная особенность и не выражается

какими-либо внешними средствами, грамматически выявляется в прилагательном, числительном, местоимении и глаголе. Причем наиболее ярко прослеживается в говорах северного (гъурна) диалекта табасаранского языка (А. А. Магометов), в котором рельефно функционирует данная категория в системе глагола.

3. Наши наблюдения показывают, что в системе глагола табасаранского языка, помимо отмеченных исследователями (П. К. Услар, А. М. Дирр, Л. И. Жирков, А. А. Магометов, Б. Г.-К. Ханмагомедов) классных экспонентов — б, р, в, (w), д, й, л, наличествуют и их варианты — п, пI, т, тI, где п, пI являются показателями класса вещей, а т, тI — показателями класса человека и множественного числа:

| | |
|---|---|
| итIуб «кушать» | класс человека, ед. число |
| ипIуб | класс вещей, ед. число |
| итIуб | мн. число |
| итуб «бросить вниз, спускать вниз» | класс человека, ед. число |
| ипуб | класс вещей, ед. число |
| ирчуб | мн. число |

4. Гласные как самостоятельно, так и в сочетании с согласными, в роли классных показателей не выступают. В составе экспонентов встречаются сонанты в(w), р, л, звонкие смычные б, д, глухие смычные т, п, смычно-гортанные пI, тI.

5. Показатели грамматического класса в табасаранском языке встречаются преимущественно в качестве префикса: **б**икIуз (класс вещей, ед. число) — **д**икIуз (класс человека, ед. число) — **д**икIуз (мн. число) «писать». Кроме того они могут занимать место инфикса: тI**ур**ччвуз (класс человека, ед. число) — тIу**б**Iччвуз (класс вещей, ед. число) — тI**ур**ччвуз (мн. число) «трясти» и суффикса: гъушу**р** (класс человека, ед. число) — гъубшу**б** (класс вещей, ед. число) «сходивший».

**З. М. Загиров** (Махачкала)

## ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ТАБАСАРАНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Табасаранский язык по количеству классов и состоянию их развития в настоящее время занимает промежуточное положение между аварским, даргинским и лакским языками, где сохранилась более последовательная система грамматических классов, и лезгинским, агульским языками Дагестана, в которых уже давно утрачены грамматические классы.



2. Табасаранская система грамматических классов является простейшей среди других языков Дагестана. В настоящее время в ней представлены и наиболее активно действуют два класса: класс человека и класс вещей. Во второй класс входят не только неодушевленные предметы, но и названия животных, птиц, рыб, насекомых и т. д.

К существительным первого класса ставятся вопросы фуж? «кто?» и фужар? (кто? — во множественном числе), в соответствующих им падежных формах.

К существительным первого класса ставятся вопросы фу? «что?» и фийир? (что? — во множественном числе с остальными их падежными формами.

3. Основными показателями грамматических классов выступают **р** и **б**:

| | |
|---|---|
| риш жа**р**гъура «девочка бежит» | дай жа**б**гъура «жеребенок бежит» |
| са**р** дуст «один друг» | са**б** хал «одна комната» |
| ужу**р** аба «хороший отец» | ужу**б** шейъ «хорошая вещь» |

Классные показатели, как правило, употребляются в составе глаголов, порядковых числительных, прилагательных, причастий и местоимений.

4. Во множественном числе классы не различаются, в обоих классах употребляется **р**:

| | |
|---|---|
| щубар жа**р**гъура «девочки бегут» | даяр жа**р**гъура «жеребята» бегут» |
| ужуда**р** абийр «хорошие отцы» | ужуда**р** шейъар «хорошие вещи» |

5. В табасаранском языке наблюдается тенденция к утрате согласования по грамматическим классам. Так, многие глагольные формы, числительные, качественные прилагательные, причастия и местоимения не имеют классного согласования, например: чи гъафну «сестра пришла», кIирихъ гъафну «теленок пришел», сумчIур кас, китаб «тридцать человек, книг», кIару риш «смуглая девочка», кIару мурсул «черная нитка» и т. д.

6. О том, что табасаранский язык имеет тенденцию исчезновения классного согласования, свидетельствуют и сохранившиеся в нем редко употребляемые классные показатели **д** и **л**.

Классный показатель **д** употребляется в составе числительных при их согласовании с существительными, поддающимися счету: сад йигъ «один день», кьюдар йицар «две пары быков» и т. д.

Классный показатель **л** употребляется в различных глагольных формах: баяр **л**ицура «мальчики ходят», тIерешв **б**ицура «юлу крутят», гъяйвнар **д**ицура «лошадей водят» и т. д.

**Г. Х. Ибрагимов** (Махачкала)

## КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО КЛАССА В ЦАХУРСКОМ, РУТУЛЬСКОМ, КРЫЗСКОМ И БУДУХСКОМ ЯЗЫКАХ

1. Генетическая общность категории грамматического класса в цахурском, рутульском, крызском и будухском языках верифицирована общностью показателей класса (ПКл), а также общностью выделения именных групп.

В качестве согласуемых слов, в морфологической структуре которых представлены ПКл, в цахурском, рутульском, крызском и будухском языках выступают классные глаголы, числительные, прилагательные, местоимения, наречия. См. схему (приведены только согласные ПКл):

Цахурский язык

| классы | глагол | прилагательные | числительные | местоимения | наречия |
|---|---|---|---|---|---|
| I | р й ∅ | р й | р | в | р д |
| II | р й | р й | р | й | р ∅ |
| III | б в | б в | б | в | б |
| IV | д й ∅ | д ∅ | д | й | д |

Рутульский язык

| | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|
| I | р й д ∅ | р | р | в й | р |
| II | р й | р | р | р й | р |
| III | в б ∅ | б | б | б д | б |
| IV | д й ∅ | д | д | д й | д |

Крызский язык

| | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|
| I | р й ∅ | р ∅ | р | р | |
| II | б в | б | б | р | |
| III | б в | б | б | б | |
| IV | д й ∅ | д ∅ | д | б | |

Будухский язык

| | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|
| I | ∅ | р ∅ | р | р б ∅ | |
| II | р | р | р | р б (л) | |
| | в (р) | б ∅ | б | р | |
| III | в ∅ | б | б | д ∅ | |
| IV | д ∅ | д | д | д ∅ | |



В цахурском и рутульском (ихр. и борч. — хин. диалекты) языках атрибутивные имена (соответственно и генетив) в ед. ч. сохранили суффиксальное классное согласование.

Число оппозиции ПКл меньше числа именных групп, выделяемых в цахурском, рутульском, крызском и будухском языках. Процесс обусловлен совпадением именных групп на одном из ПКл в морфологической структуре согласуемых слов. Наиболее характерными являются следующие оппозиции:

1) в глаголе: цах. -р (1, 2)~б(3)~д(4): а-р-ы~а-б-ы~а-д-ы „придя“, й(1, 2) ~ б(3) ~ л(4): а-й-ре (←арле) ~ а-б-ле~а-л-ле (←а-д-ле); ∅ (1, 4) ~ й (2) ~ в (3): ихье~й-ихье ~ в-ихье ( ‖ в-ухье) „будь“, й (1, 2, 4) ~ в (3): а-й-цIыр~а-в-цIыр ( ‖ а-в-цIур); рут. -р (1, 2)~ б (3) д (4): си-р-кьын~си-б--кьын~си-д-кьын „мыть“; й (1, 4)~р (2)~в(3): и-ишин~р-ишин ~ в-ишин „быть“; й (1, 2, 4) в (3): й-ыхьа ( ‖ й-ихьа)~в-ихьа „пов. н. от гл. пасти“; ∅(1,3,4)~~ры (2): выси~ры-выси„дать“; крыл. -∅(1,4)~в(2,3): аьз~в-аьз „поди“; й (1,4)~в (2, 3): й-из~в-из „сажа“; р (1)~б (2, 3)~д (4): къа-р-кIун~къа-д-кIун „лети“; буд.-а (1, 4)~гр (2)~о (3): с-а-хьаджи~с ар-хь-аджи~с-о-хьоджи „был“; а (1) ~ ар (2)~ о (3)~ад (4): гI-а-хьиджи~гI-ар-хьиджи~аI-о-хьиджи~гI-ад-хьиджи „пришел“.

2) в прилагательных: цах. -р (1, 2) ~ б (3) ~ д (4): хе-р-на ~ хе-б-на ~ хе-д-ын „большой“, „старший“; рут. -р (1, 2)~б (3)~д (4): чIи-р-кIыды~чIи-б-кIыды ~ чIи-д-кIыд „жесткий“; ∅ (1,4)~р(2)в(3): си-чиды ‖ си-чид (суф. оппоз.) ~си-рчиды~си-в-чиды „гнилой„; крыз. ∅ (1, 4)~б (2, 3): сав-чав~сав-б-чав „гнилой“; буд. -∅ (1, 4) ~ р (2) ~ б (3): са-цIа~са-р-цIа~са-б-цIа „полный“; р (1, 2) ~ б (3)~д (4): чу-р-къу ~ чу-б-къу ( ‖ чу-ру-б-кьу) ~ чу-д-кьу ( ‖ чура-д-кьуру) „зрелый“;

3) в числительных: цах. -р (1, 2)~б (3) д (4): кьоI-р~кьоI-б~кьоI-д „два“; рут. -р (1, 2) ~ б (3)~д (4): хьу-р~хьу-б~хьу-д „пять“; крыз. -р (1) ~ б (2, 3) д (4): са-р~са-б~са-д „один“; буд. р (1, 2)~б (3)~д (4): са-р~са-б~са-д „один“;

4) в местоимениях: цах. -ву (1, 3)~йи (2, 4): ву-дж ~ йи-дж „сам“ (в косвенной основе иная оппозиция), рут. -ву (I)~ ри (2)~ви (3) ~ йи (4): ву-дж~ри-дж~ви-дж~йи-дж „сам“ (в косвенной основе иная оппозиция); крыз. -р (1,2)~б (3,4): ги-р-гес ( ‖ ги-с)~и-б-аьс „самим“ (в единственном числе имеет место лексическое и лексико-грамматическое противопоставление, ср.: I кл уг~2. 3, 4 кл. идж „сам“; I кл.

уг-ув∼2 кл. идж-ув∼3, 4 кл. идж-ис „самому“); буд. -∅ (I)∼ыр (2)∼ад(3)∼а ‖ адж (4): ад∼ад-ыр∼ал-ад (←ад-ад) ∼ал-а ‖ ал-адж (←ал-ад←ад-ад) „он“ (ср. рут. гъад „он“); д (1, 3)∼в (2) ∼ ∅ (4): угу-д∼угу∼в∼угу „самого“ и т. д.

Во множественном числе классы личности (кто?) вступают в оппозицию с классами неличности (что?).

Употребление гласных в качестве ПКл, несмотря на многообразие их форм, — вторичное явление.

**М. Г. Исаев** (Махачкала)

## ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КЛАССНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ГОВОРАХ АНЦУХСКОГО ДИАЛЕКТА АВАРСКОГО ЯЗЫКА

1. Анцухский диалект, будучи одним из реликтовых диалектов аварского языка (Ш. И. Микаилов), выявляет ряд специфических черт в функционировании грамматических классов.

2. В глаголах анцухских говоров изменяющийся классный показатель сохранился лучше, чем в современных диалектах. Это глаголы: **баштIзи** «слезать», «сходить», **бикIзи** «считать», «признавать», **борцIзи** «проясняться (о погоде)», **бучзи** «хмуриться (о погоде)», **бегьзи** «позволять». В северных диалектах указанные глаголы имеют окаменелый показатель **р** (реже — **б**): **рештIине, рикIине, роцIине, рочине, бегьизе.**

В анцухских говорах изменяющийся показатель грамматического класса представлен также в глаголах **бехзи** «бросать», и **багьзи** «открыть» (ср. северный диалект **рехизе, рагьизе**). Это верно и для закательского диалекта аварского языка.

3. Глаголам с классными показателями: **бекези** «думать, полагать» (ср. кези «случаться»), **рехези** «продевать», **балъази** «оставлять» соответствуют в северных диалектах формы без классных показателей: **кезе** (оба значения), **хезе, тезе.**

4. При сочетании глагола **бакьзи** «хотеть, желать» + вспомогательный глагол с инфинитивом в анцухских говорах оба глагола изменяются по классам: **гьай йас йачзи йакьу йола даси** «на этой девушке жениться хочет он»; в северных диалектах у этих глаголов показатель класса не меняется: **гьай йас йачине бокьун буго досийе.**



5. В свою очередь в анцухском диалекте представлены глаголы с окаменелым классным показателем, тогда как в северных диалектах классные показатели изменяются. Характерно, что окаменелые классные показатели застыли в анцухском диалекте в форме III класса **б**: **балази** «смотреть», **тIубази** «выполнять», **батIалъзи** «отделить», «разводиться», **бегьзи** «победить», **бегIерзи** «заострить». В северных диалектах: **балагьизе, тIубазе, батIалъизе, бергьине, бегIеризе.**

6. То, что в целом ряде глаголов наблюдается переход к неразличению классных показателей, свидетельствует об ослаблении в глаголе аварского языка категории грамматического класса. Этим объясняется, видимо, приобретение классными показателями другой функции—смыслоразличительной.

В следующих глаголах анцухского диалекта от наличия изменяющегося или окаменелого показателя грамматического класса зависит их лексическое значение. Ср. **бохIзи** «потерять» — **бохIзи** «исчезать», **багьзи** «продырявить (ся)» — **рагьзи** «открывать (ся)», букIзи «морщить (ся) — рукIзи «темнеть, смеркаться». Последние два примера верны и для северных диалектов.

7. В системе имени существительного анцухского диалекта представлено большее количество слов с классными показателями: **йасай** «дочь», «девочка», **васав** «сын», «мальчик», **вацав** «брат», **йацай** «сестра», **нусай** «невеста», **ручабай** «жена», «женщина», их соответствия в северных диалектах: **йас, вас, вац, йац, нус.** Слово **ручабай** в них вовсе отсутствует, хотя имеется форма множественного числа **ручаби.**

В речи старшего поколения, кроме того, классные показатели прибавляются к заимствованным словам: **учитилав (-ай)**: учитель (-ница)», **шопирав** «шофер».

**И. А. Исаков** (Махачкала)

## О ТЕНДЕНЦИИ К НЕЙТРАЛИЗАЦИИ КЛАССНОЙ ОППОЗИЦИИ В ДИАЛЕКТАХ АВАРСКОГО ЯЗЫКА

1. Аварский язык является одним из классических «классных» иберийско-кавказских языков. На сегодняшний день здесь различаются три грамматических класса: 1 кл. — класс мужчин с классным показателем **в**, II кл. — класс женщин с показателем **й**, III кл. — класс вещей с показателем **б**. В любом случае, независимо от фонетического окружения, морфологического содержания и проч., эти классные показатели

выступают в неизменном виде. Во множественном числе также независимо от комбинации субъекта или объекта, класс которых нужно выразить, в качестве показателя выступает **р**.

2. В некоторых аварских диалектах обнаруживается тенденция к смешению классных показателей, порожденная фонетическими особенностями данного диалекта, т. е. там, где мы имели три классных показателя, теперь имеем два, а то и один. Процесс отмечается как в абсолютной, так и в косвенной форме слова.

3. В хунзахском диалекте аварского языка, по данным Ш. И. Микаилова, в результате ярко выраженной тенденции к ослаблению губной смычки широко наблюдается утрата классного согласования слов, содержащих классные показатели, с соответствующими субстантивами: хунз. **рокъо** «дома» вместо лит. **рокъоб** (о субстантиве III кл.) ср. **рокъов** (I кл), **рокъой** (II кл.), **рокъор** (мн. ч.) Аналогичное явление, хотя и в гораздо меньших масштабах, встречается в анцухском и карахском диалектах (Ш. И. Микаилов).

4. Утрата показателя 2-го класса **й** и форманта множественности **р**, разумеется, не связана непосредственно с ослаблением губной смычки, как это имеет место в случаях с формантами **в** (I кл.) и **б** (III кл.), и, по всей вероятности, является результатом общехунзахской тенденции к нейтрализации классной оппозиции. Этот фонетико-морфологический процесс, следует отметить, может варьироваться в зависимости от фонетического окружения соответствующего классного показателя.

5. При т. н. «живом» (по терминологии Л. И. Жиркова) склонении в кусурском говоре аварского языка в результате замены общеаварского литературного **лъ** свистящим спирантом **с** имеется два типа склонения аварского литературного языка:

1) **-с** (эрг.), **-сул** (род), **-се** (дат.) и т. д. (для I гр. кл.),

2) **-лъ** (эрг.), **-лъул** (род.), **-лъе** (дат.) и т. д. (для II и III гр. кл.) слились в единое склонение с формантами **-с, -сул, -се** и т. д. соответственно. «Чистые» же классные показатели **б, в, й** сохраняются здесь в неизменном виде, т. к. губная артикулируется весьма ясно и четко.

6. Приведенные здесь факты наводят на мысль о том, что в качестве одного из возможных путей, которые могут привести к утрате классных формантов, следовательно и к нейтрализации классной оппозиции, являются и фонетические процессы.



**О. И. Кахадзе** (Тбилиси)

## О СИСТЕМЕ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В НЕКОТОРЫХ ЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Префиксальными показателями грамматических классов в арчибском языке являются:

| в ед. ч. | во мн. ч. |
|---|---|
| w-... (I кл.) | |
| d-, r- (II кл.) | b- (кл. человека) |
| b- (III кл.) | ∅-... (кл. вещей) |
| r-, j-, ∅ (IV кл.) | |

2. Подобная система экспонентов грам. классов, по нашему мнению, в виде пережитка, наблюдается также и в некоторых других лезгинских языках; например: в рутульском: I кл. — **w-**, II кл. — **-r-**, III кл. w- (←*b) IV кл.—j; в цахском: I кл. -w-, II кл. -j-(←*r-), III кл. -w-(←*b), IV кл. -j-.

3. Остальные системы префиксальных классных показателей, имеющиеся в этих языках, представляют собою трансформацию выше названной более древней системы.

**К. К. Курбанов** (Махачкала)

## ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ТАБАСАРАНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. В настоящее время в табасаранском языке представлены два грамматических класса: класс людей и класс вещей, т. е. соответственно I грамматический класс и II грамматический класс.

Внутри самого языка в наиболее полном виде категория грамматических классов сохранилась в его северном диалекте, сравнительно с южным диалектом, территориально граничащим с лезгинским языком.

2. Грамматические классы в табасаранском языке выражены в числительных, причастиях, деепричастиях, а также в глаголе, в котором наблюдается тенденция к их утрате.

3. В глагольных основах табасаранского языка представлены следующие классные показатели: а) для класса людей (I грамматический класс) и множественного числа для обоих грамматических классов — д, р, л, т, тI, «о» (нулевой показатель), т. е. класс людей и множественное число совпадают в показателях; б) для класса вещей — б, в, п, пI.

Классные показатели в глаголе представлены в виде префиксов (**б**икIуз — **д**икIуз «писать») и инфиксов (**т**Iибхуз — **т**Iирхуз «лететь»).

4. Показатели грамматических классов координируют связь между субъектом и предикатом. Они указывают на реальный субъект в непереходных глаголах и на реальный объект в переходных глаголах.

5. Классные показатели в основах табасаранских глаголов носят не слоговой, а многоконсонантный характер.

6. В табасаранском языке, помимо классных глаголов, представлены и неклассные глаголы, преимущественно обозначающие действия, характерные только для людей (ишуз «плакать» и др.).

7. Категория грамматических классов в табасаранском языке является пока что живой и действующей категорией. Табасаранский язык занимает промежуточное положение между языками, уже утратившими категорию грамматических классов и языками, в которых широко представлены грамматические классы.

**Р. Х. Мехтиханова** (Махачкала)

## КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ГЛАГОЛЕ ЦУДАХАРСКОГО ДИАЛЕКТА ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

1. В цудахарском диалекте даргинского языка, как и в других диалектах, возможны некоторые отклонения в распределении слов по грамматическим классам, например, в литературном языке слова каш «каша», нятIул «шербет» относятся к III грамматическому классу, а в цудахарском диалекте каш «каша», нутIухI «шербет» — к IV грамматическому классу. Ср. каш **б**-ариб «кашу сделал», нятIул **б**-ариб «шербет сделал» (лит. яз.); каш **д**-аркьиб «кашу сделал», нятIул **д**-аркьиб «шербет сделал» (цудах. диал.).

2. В цухарском диалекте в отличие от литературного языка отрицательный глагол багIякку «нет, не имеется» принимает классные показатели: гали **в**-агIякку «мальчика нет» — I кл., рурсси **р**-агIякку «девочки нет», кинишкабе **д**-агIякку «книжек нет».

3. В цудахарском диалекте глагол «любить» употребляется с изменяющимся классным показателем, который согласует данный глагол в классе с обеъктом: дам ттуттеш иккахъид «я отца люблю», дам неш р-иккахъид «я мать люблю», дам урчи б-иккахъид «я лошадь люблю».

4. Характерной особенностью цудахарского глагола является и то, что суффиксальный показатель множественности **-д** соответствует форманту множественности литературного языка -р: шинишдихъ ле-д (цудах. диал.), шинишдеш ле-р (лит. яз.) «зеленоватость есть».



**К. Ш. Микаилов** (Махачкала)

## О ПРИНЦИПАХ ВЫЯВЛЕНИЯ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ОКАМЕНЕЛЫХ КЛАССНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ГОРСКИХ ЯЗЫКАХ ДАГЕСТАНА

(Методические заметки)

1. Последние два-три десятилетия ознаменовались публикацией целого ряда исследований, в которых так или иначе рассматривались т. н. окаменелые (или омертвелые) классные показатели. Не говоря об исполнительском уровне этих работ, укажем на то общее, что объединяет их. В основе всех почти работ этого плана, построенных на дедуктивном методе познания, лежит гипотеза о наличии в прошлом во всех без исключения иберийско-кавказских языках категории грамматических классов, утраченной впоследствии частью этих языков. Кроме того, предполагалось усматривать в согласных b, w, j, γ, l, m, n, d и других однотипных звуках, пережиточно сохранившихся в составе именных и глагольных основ того или иного конкретного исследуемого языка, окаменелый классный формант. Однако это не значит, что всякий «непонятный» (или необъяснимый) из указанных звуков объявлялся окаменелым классным показателем. Проводился сравнительный анализ материально близких основ с одним из перечисленных согласных в их составе по материалам диалектов или ряда родственных языков, выводился общий корень, выступавший, как правило, в виде одного согласного,

а оставшийся (обычно предшествующий корню) согласный мог быть объявлен окаменевшим классным формантом.

Конечно, во многих случаях такой метод исторической характеристики слова на предмет морфологического состава его оправдывал себя и давал положительные результаты, не вызывающие сомнений и по сей день.

2. Однако этимологический анализ того или иного слова, в котором уже был «обнаружен» или «потенциально содержащее» в себе окаменевший классный показатель, может вывести исследователя за пределы иберийско-кавказских языков и натолкнуть его на искомый ответ в языках индоевропейских, либо тюркских, которым не свойственна категория грамматических классов.

2. Думается, что в каждом конкретном случае сначала следует провести тщательный этимологический поиск материально и семантически общих основ в языках неродственных семей и, лишь убедившись, что анализируемая основа здесь отсутствует, можно приниматься за соответствующий морфологический и фонетический анализ слова. Кроме того, далеко не каждый элемент двух и более основ различных родственных языков следует рассматривать на морфологическом уровне как потенциально окаменевший классный формант — близкие и даже далекие материально согласные могут отражать рядовое звукосоответствие между языками.

**М.-С. М. Мусаев** (Махачкала)

## КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ И ДРУГИЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

1. Существование различных мнений о количестве грамматических классов в даргинском языке — это результат неравномерного смешения ряда грамматических категорий, находящихся в переплетении с категорией грамматических классов.

2. Вне связи с категорией числа нельзя говорить о количестве грамматических классов в даргинском языке. В сфере единственного числа в современном даргинском литературном языке выделяются три класса, классифицированных по принципу: мужчины — I класс с показателем **в**, женщины — II класс с показателем **р**, все то, что не относится к I и II классам — III класс с показателем **б**. В сфере же множественного числа выделяются два класса, противопоставляемых по принципу: «человек» — I класс с показателем **д(р)**, «вещи» — II класс с показателем **б**. В таком случае было бы правомерным говорить о функционировании двух разновидностей грамматических классов или даже двух самостоятельных грамматических категорий: категория грамматических классов в сфере единственного числа, образующая трехчленную парадигму, категория «человека-вещи» в сфере множественного числа, образующая двухчленную парадигму.

3. Собирательные существительные даргинского языка делятся на два класса, известные нам в сфере множественного числа: I класс «человек» с показателем **б**; II класс «вещи» с показателем **д(р)**. Например, халкь бакIиб, букв. «народ пришли», шин дакIиб, букв. «вода пришли».

4. В сфере категории грамматических классов оказалась неправомерно вовлеченной грамматическая категория с бинарной оппозицией: I, II лица — III лицо (Э. Бенвенист, Е. Курилович, В. В. Виноградов).

**П. А. Саидова** (Махачкала)

## КЛАССНО-ЛИЧНОЕ СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА В ЗАКАТАЛЬСКОМ ДИАЛЕКТЕ АВАРСКОГО ЯЗЫКА

1. Для аварско-андийско-дидойских языков характерно классное спряжение. Ни классно-личного, ни личного спряжения эти языки не знают. Яркое исключение в этом отношении представляет один диалект аварского языка — закатальский, на котором говорят жители Закатальского и Белоканского районов Азербайджанской АССР.

2. Классно-личное спряжение представлено в четырех говорах закатальского диалекта: джарском, чардахларском, тальском и катехском. Для собственно белоканского же говора характерно классное спряжение.

3. Считалось, что классно-личное спряжение различается только лишь в прошедшем времени. Наш материал позволяет отметить, что показатели классно-личного спряжения выявляются в формах общего, настоящего, а также будущего времени глагола. Особый интерес представляет факт обнаруживания классно-личных форм глагола там, где они не были зафиксированы до сих пор. Зарождение классно-личного спряжения в закатальском диалекте аварского языка представляет активный процесс.

**Н. Д. Сулейманов** (Махачкала)

## ОБ ОДНОМ (КЛАССНОМ) СПОСОБЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАУЗАТИВА В АГУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Ныне в агульском языке, наряду с лезгинским и удинским языками, категория грамматического класса перестала функционировать. Следы грамматических классов в агульском языке в застывшем виде встречаются в некоторых именах, глаголах...

2. В агульском языке каузатив, обычно, образуется описательно при помощи глагола **хъучикас** «заставить» или **акьас** «делать» (А. А. Магометов).

3. Имеются случаи, когда классный показатель служит для образования каузатива. Каузативность (активизация) глагольной основы выступает при оппозиции предкорневых элементов — классных показателей **й** — **р**: ала-**й**-хьас «сбросить», ала-**р**-хьас «упасть».

**Г. В. Топуриа** (Тбилиси)

## ЭРГАТИВ И СИСТЕМА ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ

(На материале горских иберийско-кавказских языков)

1. С исторической точки зрения следует считать, что в эргативном падеже (ед. ч.) первоначально наличествовали два морфологических показателя — один для обозначения субъекта класса личности, а другой — для имен класса вещей. (Такое бинарное противопоставление и является исходным для системы грамматических классов в целом).

2. Нынешнее положение (разнообразие и большое число формантов), наблюдаемое в эргативе горских иберийско-кавказских, в частности, дагестанских языков, явление вторичное и рассматривается в основном как результат фонетических трансформаций указанных двух морфологических элементов эргатива. Не исключена возможность, что морфология имени могла бы в склонении отразить результаты последующей дифференциации (детализации) системы грамматических классов. Следует учитывать и другие факторы, которые могли бы способствовать возникновению вариантов морфологического инвентаря эргатива — сосуществование элементов



различных хронологических уровней и различного происхождения (не классного, а местоименного), взаимовлияние языков и заимствование, диалектные варианты и т. д.

3. Нарушение указанной первоначальной строгой дистрибуции формантов эргатива — результат дальнейшего развития системы склонения, своеобразным отражением чего и является та живая система склонения по грамматическим классам, которая сохранена и по сей день в эргативе ряда горских иберийско-кавказских языков (аварский, бацбийский...), однако, вместе с этим характерно то, что суффикс эргатива, обозначающий класс реального субъекта, как правило, материально не совпадает с соответствующим экспонентом действующей системы грамматических классов того же языка.

Имеются и другие пережиточные свидетельства о былом классном склонении.

4. На фоне двухклассного эргатива особую значимость приобретает вопрос о взаимоотношении эргатива и инструменталиса. При совмещающем эргативе функция творительного падежа выявляется лишь при именах класса вещей, а последующее выделение творительного падежа, как самостоятельной морфологической единицы, в ряде языков происходит на основе реинтерпретации функции бывшего показателя эргатива именно класса вещей (дидойские языки).

Вывод: В историческом плане инструменталис (совмещающего эргатива) следует рассматривать как ничто иное, как тот же эргативный падеж, но только для имен класса вещей.

**В. С. Хидиров** (Баку)

## КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В КРЫЗСКОМ ЯЗЫКЕ

1. В крызском языке четыре грамматических класса. При непроизводных основах классный показатель выступает в качестве префиксального элемента:

| | | | |
|---|---|---|---|
| -иш I кл. | «заплачь» | й-йтI IV кл. | «рви» |
| в-иш II кл. | | в-итI III кл. | |

В производных основах классный показатель выступает между превербами и глагольным корнем:

къи-р-ух II кл. «полощи» гIаь-й-с- IV кл. «зажарь»
къи-б-ух II кл. гIо-в-с III кл.

2. Классные показатели в процессе функционирования подвергаются фонетическим изменениям. Они между морфемами выпадают или, влияя на контактирующий с ними звук, видоизменяют его.

В крызском языке выделяются две серии классных экспонентов:

| 1 серия | 2 серия |
|---|---|
| I кл. Л, Р | I кл. нул. пок., Й |
| II кл. Б (П, ПI) | II кл. В, Ф |
| III кл. ДЖ, Б (П, ПI) | III кл. В, Ф |
| IV кл. ДЖ, Д (Т, ТI) | IV кл. нул. пок., Й |

3. Классификация классных показателей в системе глагола крызского языка на две серии обусловлена тем, что каждая из них отличается как принципами размещения в составе глагольных основ, так и особенностями соотношения отдельных грамматических классов в процессе их функционирования.

**I серия**

| I класс | II класс | III класс | IV класс |
|---|---|---|---|
| къо-л-угъ | къа-б-гъ-ул | къа-дж-гъ-ул | къа-д-гъ-ул „выкопай“ |
| ча-л-угъ | ча-б-гъ-ул | ча-дж-гъ-ул | ча-д-гъ-ул „закопай“ |
| гIа-л-угъ | гIа-б-гъ-ул | гIа-дж-гъ-ул | гIа-д-гъ-ул „выпусти“ |

**2 серия**

| I и IV классы | II и III классы |
|---|---|
| -аьз | в-аьз „дои“ |
| й-из | в-из „сей“ |

4. Классные показатели первой серии в составе глагольных основ не выступают в качестве префиксальных элементов. Классные показатели **р** и **л** в настоящее время в начале глагольных основ прослеживаются как окаменелые элементы: р-ох «брей», р-ахI «молоти», л-ып «скажи».



Классные показатели второй серии обнаруживаются и в начале глагольных основ и в середине их. Кроме того, если в первой серии все четыре грамматических класса выделены конкретными показателями, то во второй серии грамматические классы соотнесены попарно.

Во множественном числе четыре грамматических класса вступают между собою в иные взаимоотношения: I и II классы объединяются одними показателями, а II и IV — другими показателями.

**М. Ч. Чеерчиев** (Москва)

## СООТНЕСЕННОСТЬ ЛЕКСИКИ ЗАКАТАЛЬСКОГО ДИАЛЕКТА АВАРСКОГО ЯЗЫКА С КАТЕГОРИЕЙ ГРАММАТИЧЕСКОГО КЛАССА

1. Лексика закатальского диалекта аварского языка по соотнесенности с категорией грамматического класса можно распределить по следующим группам:

1) группа слов, соотнесенных с категорией грамматического класса:

а) слова без противопоставления показателей грамматического класса: имин «отец», эбель «мать», гIолохъанчи «юноша», бете «дядя», хIеде «девушка» оц «вол» и т. д.

б) слова с противопоставлением показателей грамматического класса: вац «брат», йац «сестра», бац «собрат животного или вещи», вас «мальчик, сын», йас «девушка, дочь», вега «лег», йега «легла», бега «легло животное» и т. д.;

2) группа слов, не соотнесенных с категорией грамматического класса:

а) слова, абсолютно не соотнесенные с грамматическим классом: хехса «быстро», гешса «плохо», цIакъса «крепко, сильно», гIодобе «вниз», метер «завтра»;

б) слова, ситуативно не соотнесенные с грамматическим классом: гIабдал «дурак», гIарбатан «нахал», кIотIкIотI «мелочник», йухсул «ненастный», бецхIал «наглец».

2. Классные показатели могут быть представлены:

а) в качестве префиксов: **в**охъа (I кл.) **й**охъа (II кл.), **б**охъа (III кл.) «вставай!»; **вац** «брат», **йац** «сестра», **бац** «собрат животного»;

б) в качестве суффикса: бахIара**в** (I кл.), бахIара**й** (II кл.), бахIра**б** (III кл.) «юный»;

г) в качестве префиксов и суффиксов: **в**ачара**в** (I кл.), **й**ачара**й** (II кл.), **б**ачара**б** (III кл.) «приведший (-ая, -ее)».

Ибериатә-кавказтәи абызшәақуа
рҭоурыхтә-еиҿырԥшратә ҭара иазкыу
абыжьбатәи арегионалтә наукатә сессиа

**АЖӘАХУҚУА РТЕЗИСҚУА**

(урыс бызшәала)

მეშვიდე რეგიონალური სამეცნიერო სესია
იბერიულ-კავკასიურ ენათა ისტორიულ-შედარებითი
შესწავლის საკითხებზე

**ᲛᲝᲮᲡᲔᲜᲔᲑᲐᲗᲐ ᲗᲔᲖᲘᲡᲔᲑᲘ**

(რუსულ ენაზე)

Седьмая региональная научная сессия
по историко-сравнительному изучению
иберийско-кавказских языков

**ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ**

Формат бумаги 60 x 90 1/16. Печатных листов 4,5. Учетно-изд. л. 3,98

**БЕСПЛАТНО**

Сухумская типография № 7 им. Ленина
Государственного комитета Совета Министров Грузинской
ССР по делам издательств, полиграфии и книжной
**торговли, г. Сухуми, ул. Ленина, 6.**

**Заказ 11446.** **ЭИ 01267.** **Тираж 600.**